

Клара и Солнце

Автор:

[Кадзуо Исигуро](#)

Клара и Солнце

Кадзуо Исигуро

Loft. Нобелевская премия: коллекция

Клара совсем новая. С заразительным любопытством из-за широкого окна витрины она впитывает в себя окружающий мир – случайных прохожих, проезжающие машины и, конечно, живительное Солнце. Клара хочет узнать и запомнить как можно больше – так она сможет стать лучшей Искусственной Подругой своему будущему подростку

От того, кто выберет Клару, будет зависеть ее судьба.

Чистый, отчасти наивный взгляд на реальность, лишь слегка отличающуюся от нашей собственной, – вот, что дарит новый роман Кадзуо Исигуро. Каково это – любить? И можно ли быть человеком, если ты не совсем человек? Это история, рассказанная с обескураживающей искренностью, заставит вас по-новому ответить на эти вопросы.

Кадзуо Исигуро – лауреат Нобелевской и Букеровской премий; автор, чьи произведения продаются миллионными тиражами. Гражданин мира, он пишет для всех, кто в состоянии понять его замысел. «Моя цель – создавать международные романы», – не устает повторять он.

Сейчас его книги переведены на более чем 50 языков и издаются миллионными тиражами. Его новый роман «Клара и Солнце» – повествование на грани фантастики, тонкая спекулятивная реальность. Но, несмотря на фантастический флер, это история о семье, преданности, дружбе и человечности. Каково это – любить? И можно ли быть человеком, если ты не совсем человек?

«[Исигуро] в романах великой эмоциональной силы открыл пропасть под нашим иллюзорным чувством связи с миром» – из речи Нобелевского комитета

«Исигуро – выдающийся писатель» – Нил Гейман

«Настоящий кудесник» – Маргарет Этвуд

«Кадзуо Исигуро – писатель, суперспособность которого словно бы в том и состоит, чтобы порождать великолепные обманки и расставлять для читателя восхитительные в своей непредсказуемости ловушки». – Галина Юзефович

«Изучение нашего душевного пейзажа, чем занимается Исигуро, обладает силой и проникновенностью Достоевского». – Анна Наринская

Кадзуо Исигуро

Клара и Солнце

Памяти моей матери Сидзуко Исигуро (1926–2019)

Kazuo Ishiguro

KLARA AND THE SUN

Copyright © Kazuo Ishiguro 2021

Jacket design by John Gall

© Мотылев Л., перевод на русский язык, 2021

Часть первая

Когда мы были новые, наше с Розой место было в середине торгового зала, на той стороне, где журнальный стол, и оттуда нам открывался вид наружу сквозь полвитрины и даже больше. Мы могли смотреть на офисных сотрудников, спешащих мимо, на такси, на бегунов, на туристов, на Попрошайку с его собакой, на нижние этажи Здания РПО. После того как мы освоились, Администратор позволила нам приближаться к витрине вплоть до самой экспозиции, и тогда мы видели, какое оно высокое – Здание РПО. А если оказывались у витрины в удачное время, то видели Солнце на Его пути, переходящее между верхами зданий с нашей стороны на сторону РПО.

Когда мне везло и я видела Его там, я подавалась лицом вперед, чтобы получить как можно больше питания, и если Роза была со мной, я говорила ей, чтобы она делала то же. Через минуту-две мы возвращались на наши места, и, когда мы были новые, нас тревожило, что из середины зала мы не так часто видим Солнце и потому будем слабеть и слабеть. ИД Рекс, который был тогда рядом с нами, сказал, что тревожиться не о чем: Солнце находит способ добраться до нас, где бы мы ни были. Он показал на половицы:

– Видите – вот Солнечная фигура. Если вам тревожно, просто потрогайте, и опять наберетесь сил.

Когда он это сказал, посетителей в зале не было, Администратор что-то переставляла на Красных Полках, и я не хотела просить разрешения и отвлекать ее этим. Я взглянула на Розу, та ответила пустым взглядом, и тогда я сделала два шага вперед, присела на корточки и протянула обе руки к Солнечной фигуре на полу. Но, едва мои пальцы коснулись ее, фигура померкла, и хотя я прилагала все старания – хлопала по месту, где она была, а когда это не помогло, стала тереть по полу ладонями, – она не вернулась. Когда я поднялась, ИД Рекс сказал:

– Ты пожадничала, Клара. Вы, Искусственные Подруги, вечно жадничаете.

Хоть я и была новая, мне сразу подумалось, что моей вины, возможно, и нет: Солнце, может быть, случайно убрало Свою фигуру, когда я ее трогала. Но лицо ИД Рекса оставалось серьезным.

- Ты все питание себе забрала, Клара. Смотри, как стало темно.

И правда, в магазине сделалось очень мрачно. Даже снаружи, на тротуаре, знак Зоны Принудительной Эвакуации на фонарном столбе был теперь серым и тусклым.

- Прости меня, - сказала я Рексу, потом повернулась к Розе: - Прости меня. Я не хотела все себе забирать.

- Из-за тебя, - сказал ИД Рекс, - я к вечеру ослабею.

- Ты в шутку это говоришь, - возразила я ему. - Я же знаю.

- Вовсе не в шутку. Мне прямо сейчас может стать нехорошо. А эти ИД и ИП в глубине магазина? С ними и так уже неладно. А теперь будет хуже. Ты пожадничала, Клара.

- Я тебе не верю, - сказала я, но уже не была так убеждена. Посмотрела на Розу, но у нее по-прежнему было безучастное лицо.

- Мне уже нехорошо, - сказал ИД Рекс. И обвис, ссутулился.

- Но ты же сам только что сказал. Солнце всегда находит способ до нас добраться. Ты шутишь, я же знаю.

В конце концов я сумела убедить себя, что ИД Рекс просто меня дразнит. И все же я почувствовала в тот день, что невольно побудила Рекса коснуться неудобной темы - того, о чем большинство ИД и ИП в магазине предпочитали молчать. А вскоре произошел этот случай с участием ИД Рекса, из-за которого я стала думать, что если он и шутил тогда, то всего лишь отчасти.

Было яркое утро, и Рекс был уже не рядом с нами, потому что Администратор переместила его в переднюю нишу. Администратор всегда говорила, что каждое

наше место тщательно продумано, что у нас, где бы мы ни стояли, одинаковые шансы, что нас выберут. Тем не менее мы все знали, что взгляд покупателя, входящего в магазин, вначале падает на переднюю нишу, и Рекс, естественно, был рад, что настала его очередь там быть. Мы смотрели на него из середины зала – он стоял, приподняв подбородок, весь внутри Солнечной фигуры, и Роза наклонилась ко мне со словами:

– Он выглядит просто чудесно! Наверняка для него скоро найдется дом!

Рекс третий день был в передней нише, когда пришла девочка с мамой. Я не так точно могла тогда определять возраст, но помню, что оценила и вышло для девочки тринадцать с половиной, и думаю сейчас, что не ошиблась. Мама была офисная сотрудница, и по туфлям и костюму мы видели, что хорошего уровня. Девочка прямо пошла к Рексу и встала перед ним, а мама, прохаживаясь по залу, двинулась к нам, взглянула на нас, затем направилась в дальнюю часть магазина, где две ИП сидели на Стеклянном Столе и свободно покачивали ногами, как им сказала Администратор. В какой-то момент мама позвала девочку, но та не отреагировала и продолжала смотреть на лицо Рекса. Потом протянула руку и провела ладонью по его руке. Рекс ничего, конечно, не сказал, только улыбался ей сверху вниз и стоял спокойно – вел себя ровно так, как нам говорили себя вести, когда покупатель проявляет особый интерес.

– Гляди! – шепнула мне Роза. – Она его выберет! Полюбила его. Повезло же Рексу!

Я толкнула Розу локтем в бок, чтобы она молчала, ведь нас легко могли услышать.

Теперь уже девочка позвала маму, и вскоре они обе стояли перед ИД Рексом, оглядывали его с головы до ног, девочка иногда тянулась к нему и трогала его. Они с мамой негромко совещались, и я услышала, как девочка сказала:

– Мама, ну ведь он прекрасный. Он такой красивый!

Немного погодя до меня донеслось:

– Боже мой, мама, ну что ты.

Администратор к тому времени тихо подошла и встала за ними. В конце концов мама повернулась к ней:

– Какая это модель?

– Это Б2, – ответила Администратор. – Третья серия. Для подростка определенного склада Искусственный Друг Рекс будет великолепным компаньоном. В частности, я убеждена, что он будет поощрять в юной личности добросовестность и прилежание.

– Ну, этой юной особе, безусловно, такое не повредит.

– Мама, мама, он идеальный.

Потом мама сказала:

– Б2, третья серия. У них, кажется, есть проблемы с солнечной подпиткой?

Она прямо так это и сказала, стоя перед Рексом и по-прежнему улыбаясь. Рекс тоже продолжал улыбаться, но девочка обескураженно перевела взгляд с него на маму.

– Да, – сказала Администратор, – с третьей серией были поначалу кое-какие мелкие затруднения. Но в этих сообщениях их очень сильно преувеличили. В среде с нормальным уровнем освещенности проблем нет ни малейших.

– Я слышала, что недостаточное поглощение солнечной энергии может повести к дальнейшим неприятностям, – сказала мама. – Даже поведенческим.

– При всем моем к вам уважении, мадам, не соглашусь с вами: третья серия колоссально ошастливила множество мальчиков и девочек. Если вы живете не на Аляске и не в угольной шахте, беспокоиться вам не о чем.

Мама продолжала смотреть на Рекса. Наконец покачала головой.

– Мне очень жаль, Кэрлайн. Понимаю, почему он тебе нравится. Но нам он не подходит. Мы найдем тебе то, что подойдет безупречно.

Рекс улыбался и улыбался, пока посетители не ушли, и даже после их ухода ничем не показал, что опечален. Но тогда-то я и вспомнила, как он пошутил, и поняла с несомненностью, что эти вопросы про Солнце, про то, сколько питания нам от Него достается, были у Рекса на уме уже некоторое время.

Сегодня, конечно, я понимаю, что не только у Рекса. Официально, однако, проблем не было вообще: у каждого из нас имелись технические характеристики, которые гарантировали, что на нас не воздействуют такие факторы, как наше положение внутри помещения. И все-таки после нескольких часов без Солнца у ИД или ИП возникала некоторая сонливость, а с ней и беспокойство, что с тобой что-то не так – что у тебя какой-то особый, только тебе присущий недостаток, и, если о нем станет известно, тебе никогда не обрести дома.

Это одна из причин того, что мы так много значения придавали пребыванию в витрине. Всем нам было обещано, что очередь дойдет до каждого, и каждому хотелось, чтобы она поскорей до него дошла. Отчасти это объяснялось тем, что представлять магазин наружному миру, по словам Администратора, «особая честь». Кроме того, разумеется, что бы Администратор ни говорила, мы все знали: кто на витрине, того скорее выберут, чем кого-то другого. Но крупная мысль, которую молча разделяли мы все, касалась Солнца и Его питания. Роза однажды, незадолго до того как настала наша очередь, высказала ее мне шепотом:

– Клара, как ты думаешь: когда мы будем в витрине, мы получим от Солнца столько, что хватит уже навсегда?

Я все еще была совсем новая и не знала, как отвечать, хотя тот же вопрос и мне приходил на ум.

Потом наконец наша очередь пришла, и однажды утром мы с Розой вступили в витрину, стараясь не повалить ничего, что в ней выставлено, как повалила предыдущая пара на той неделе. Магазин, конечно, еще был закрыт, и я думала, что решетка будет совсем опущена. Но, едва мы сели на Полосатую Софу, я увидела неширокую щель под нижним краем решетки – Администратор, вероятно, приподняла ее, когда проверяла, все ли для нас готово, – и свет Солнца образовал яркий прямоугольник, который поднимался на наше возвышение и кончался прямой линией у самых наших ног. Надо было только

вытянуть их чуть-чуть, и они оказывались внутри Солнечного тепла. Я поняла тогда, что, каким бы ни был ответ на вопрос Розы, мы вот-вот получим все необходимое питание на ближайшее время. И, когда Администратор дотронулась до выключателя и решетка поползла вверх, открывая всю витрину, нас окатил ослепительный свет.

Должна признаться: у меня, чтобы желать пребывания в витрине, всегда была еще одна причина, не связанная ни с Солнечным питанием, ни с возможностью быть выбранной. В отличие от большинства ИД и ИП, в отличие от Розы, я всегда хотела смотреть наружу и видеть там как можно больше – и во всех подробностях. Поэтому, как только решетка поднялась, сознание, что от тротуара меня теперь отделяет только стекло, что я могу свободно, вблизи и целиком рассматривать многое, от чего раньше видела только углы и края, так меня взволновало, что на мгновение я почти позабыла о Солнце и Его доброте к нам.

Я впервые увидела, что Здание РПО на самом деле построено из отдельных кирпичей и что оно не белое, как я всегда думала, а бледно-желтое. Я теперь увидела еще, что оно даже выше, чем я воображала – двадцать два этажа, – и что каждое из его повторяющихся окон подчеркнуто своим наружным подоконником. Мне видна была диагональная линия Солнца по фасаду Здания РПО: треугольник по одну сторону от нее казался почти белым, а тот, что по другую сторону, был очень темный, хотя я знала теперь, что весь фасад бледно-желтый. И я не только все окна видела до самой крыши, но иногда и людей внутри – одни стояли, другие сидели, третьи перемещались. А внизу, на улице, я видела прохожих, их разнообразную обувь, бумажные стаканчики, наплечные сумки, маленьких собачек, и, если хотела, я могла следить взглядом за кем угодно до пешеходного перехода и дальше, за второй знак Зоны Принудительной Эвакуации, до того места, где два ремонтных человека стояли над канализационным люком и на что-то показывали. Я могла заглядывать внутрь такси, когда они замедляли ход, чтобы пропустить людей на переходе: видела, как пальцы водителя постукивают по рулевому колесу, видела, какая кепка на пассажире.

День длился, Солнце нас грело, и я видела, что Роза очень счастлива. Но я заметила, что она почти ни на что не смотрит, ее взгляд все время был направлен на первый знак Зоны Принудительной Эвакуации прямо перед нами. Только если я показывала ей на что-то, Роза поворачивала голову, но она быстро теряла интерес и снова принималась глядеть на тротуар и на знак.

Сколько-нибудь долго Роза смотрела куда-то еще, лишь когда перед нашей витриной останавливался прохожий. В этом случае мы обе вели себя так, как нас учила Администратор: улыбались «нейтральными» улыбками и неподвижно глядели в отдаленную точку на полпути до Здания РПО. Очень заманчиво было получше рассмотреть подошедшего, но Администратор объяснила, что заглядывать в такую минуту прохожему в глаза – верх вульгарности. Только если нам делали знак или заговаривали с нами через стекло, нам полагалось отвечать, но никак не до этого.

Некоторых из тех, кто останавливался, мы не интересовали вовсе. Кому-то надо было снять спортивную туфлю и что-то с ней сделать, кто-то доставал свою дощечку и жал на экран пальцами. Некоторые, однако, подходили прямо к стеклу и смотрели внутрь. Часто это были мальчики и девочки такого примерно возраста, для которого мы лучше всего годились, и они на вид были нам очень рады. Подросток, один или со взрослым, подходил, полный возбуждения, показывал пальцем, смеялся, строил рожицу, стучал по стеклу, махал.

Случалось иногда так – я вскоре получше научилась глядеть на тех, кто у витрины, делая вид, будто разглядываю Здание РПО, – что подходил подросток, смотрел на нас, и в нем была печаль, а то и злость, словно мы сделали что-то нехорошее. Такой легко мог в следующую секунду перемениться, начинал смеяться или махать, как все остальные, но к нашему третьему дню в витрине я уже неплохо умела различать.

После третьего или четвертого раза я попробовала поговорить об этом с Розой, но она улыбнулась:

– Клара, ты слишком много беспокоишься. Я уверена, что эта девочка была очень счастлива. Как она могла быть грустна в такой день? Весь город так счастлив сегодня.

Но я в конце нашего третьего дня завела об этом разговор с Администратором. Она хвалила нас, говорила, что мы в витрине смотрелись «красиво и достойно». Свет в магазине уже горел тускло, и мы были в дальней его части, прислонились к стене, некоторые листали интересные журналы перед сном. Роза была рядом со мной, и я видела по ее осанке, что она уже наполовину спит. Поэтому, когда Администратор спросила, хорошо ли у меня прошел день, я воспользовалась случаем и сказала ей про невеселых мальчиков и девочек у витрины.

– Клара, ты просто необыкновенная, – промолвила Администратор тихим голосом, чтобы не потревожить Розу и остальных. – Ты столько всего замечаешь, столько выпитываешь. – Она покачала головой, словно в изумлении. Потом сказала: – Ты должна понимать, что мы не простой магазин. Многие подростки были бы несказанно рады, если бы могли выбрать тебя, или Розу, или кого угодно из вас. Но у них нет такой возможности. Ты для них недоступная роскошь. Вот почему они подходят к витрине: помечтать о тебе. Но потом им делается грустно.

– Администратор, скажите, а такой подросток... У него есть дома свой ИД или своя ИП?

– Вряд ли. Если даже и есть, то не твоего уровня. Так что если иногда подросток странно на тебя смотрит, с горечью или грустью, говорит через стекло что-нибудь неприятное, не придавай этому значения. Просто знай. Этот подросток, вероятно, фрустрирован.

– Такому подростку, без ИД или ИП, наверняка одиноко.

– Да, и это тоже, – тихо сказала Администратор. – Одиноко. Да.

Она опустила глаза и молчала, поэтому я ждала. Потом вдруг она улыбнулась, протянула руку и мягко забрала у меня интересный журнал, который я до этого рассматривала.

– Спокойной ночи, Клара. Будь завтра такой же чудесной, какой была сегодня. И не забывай: вы с Розой – наши представители в глазах всей улицы.

* * *

Прошла почти половина нашего четвертого утра в витрине, когда я увидела такси – оно замедляло ход, и водитель высунул голову, чтобы другие такси позволили ему пересечь полосы движения и подъехать к бордюру у нашего магазина. Когда Джози вышла на тротуар, ее глаза были на мне. Она была бледная и худенькая, и, когда Джози шла к нам, я видела, что идет она не так, как другие прохожие. Не то чтобы медленно, но после каждого шага, казалось, должна была убедиться, что все в порядке и она не упадет. Я оценила возраст –

примерно четырнадцать с половиной.

Когда приблизилась настолько, что все пешеходы теперь шли позади нее, она остановилась и улыбнулась мне.

- Приветик, - сказала она через стекло. - Слышишь меня?

Роза продолжала смотреть вперед, на Здание РПО, как ей было положено. Но я, потому что ко мне обратились, могла теперь перевести взгляд на девочку, улыбнуться в ответ и ободряюще кивнуть.

- Правда? - сказала Джози - хотя тогда я, конечно, не знала еще, что ее так зовут. - Я и сама-то себя тут еле слышу. Ты действительно меня слышишь?

Я опять кивнула, и она покачала головой, словно была поражена.

- Ничего себе.

Джози оглянулась через плечо - даже это движение она сделала с осторожностью - на такси, откуда только что вышла. Дверь машины, которую она оставила открытой, торчала поперек тротуара, и на заднем сиденье виднелись двое, они разговаривали и показывали на что-то за пешеходным переходом. Джози, похоже, была довольна, что ее взрослые не спешат выходить, и сделала еще один шаг вперед: ее лицо теперь почти касалось окна.

- Я вчера тебя заметила, - сказала она.

Я стала вспоминать вчерашний день, но Джози в памяти не нашла и посмотрела на нее с удивлением.

- О, не расстраивайся, все норм, ты меня увидеть никак не могла. Я же в такси была, ехала мимо, быстро довольно-таки. Но заметила тебя в витрине, ну и вот, сегодня говорю маме, чтобы мы тут остановились. - Она оглянулась еще раз, опять так же оберегаясь. - Ничего себе. До сих пор разговаривает с миссис Джеффрис. Недешевые разговорчики, как по-твоему? Счетчик-то тикает.

Смех, я увидела, наполнил ее лицо добротой. Но странно, в тот же самый момент мне в первый раз показалось, что Джози, может быть, из тех одиноких подростков, про которых мы говорили с Администратором.

Она перевела взгляд на Розу – та по-прежнему послушно смотрела на Здание РПО – и сказала: «Твоя подружка очень милая». Но не успела она договорить, как ее глаза вновь обратились на меня. Она молча продолжала смотреть на меня несколько секунд, и я обеспокоилась, что ее взрослые выйдут до того, как она еще что-нибудь скажет. Но тут я услышала:

– Знаешь что? Твоя подружка отлично сгодится в подружки еще кому-нибудь. Но понимаешь, вчера мы ехали мимо, я вдруг увидела тебя и думаю: вот она, ИП, которую я искала! – Она опять засмеялась. – Извини. Может быть, это звучит неуважительно. – Она еще раз повернулась в сторону такси, но не видно было, чтобы сидевшие на заднем сиденье собирались выходить. – Ты не француженка? – спросила она. – Что-то в тебе есть такое, французское.

Я улыбнулась и покачала головой.

– На последнюю нашу встречу, – сказала Джози, – пришли эти две девчонки француженки. У обеих волосы вот так же были – аккуратно и коротко, как у тебя. Симпатичный вид.

Она еще какое-то время разглядывала меня молча, и мне почудился очередной маленький намек на грусть, но я была совсем новая тогда и не могла быть уверена. Потом она просветлела:

– Слушай, а тебе там с ней не жарко вот так сидеть? Не хочется попить или еще что?

Я покачала головой и подняла руки ладонями вверх, чтобы показать, как чудесно питает нас Солнце, посылая нам тепло и свет.

– Ага, вот оно что! Не подумала. Ты любишь быть под Солнцем, правильно?

Она вновь оглянулась – теперь посмотреть на верхи зданий. Солнце в это время было в небесном промежутке, и Джози мигом сощурила глаза и повернулась ко

мне обратно.

– Не понимаю, как у тебя выходит. В смысле – смотреть вот так и не ослепляться. Я даже секунду не выдерживаю.

Она приложила ладонь ко лбу и снова отвернулась, на этот раз взглянуть не на Солнце, а куда-то ближе к верхним этажам Здания РПО. Через пять секунд опять посмотрела на меня.

– Для вас, девчонки, где вы сидите, Солнце должно опускаться вон за тот высокий дом, верно я говорю? Это значит, вы никогда не видите, как оно на самом деле заходит. Дом всегда мешает. – Она бросила короткий взгляд в сторону такси – взрослые все еще сидели в нем, и она продолжала: – Где мы живем, там ничего не мешает. Сверху, из моей комнаты, видно то самое место, где оно вечером заходит. Куда опускается в конце дня.

У меня, наверное, был удивленный вид. И краем глаза я заметила, что Роза, забывшись, уставилась на Джози в изумлении.

– Но где оно утром поднимается, я увидеть не могу, – сказала Джози. – Холмы и деревья заслоняют. Ну, примерно как тут здания. А вот вечером другое дело. Куда мое окно с той стороны выходит, там просто широко и пусто. Вот если приедешь и будешь жить у нас, убедишься сама.

Взрослые одна за другой выбрались из такси на тротуар. Джози их не видела, но, может быть, услышала что-то и заговорила быстрее.

– Клянусь чем хочешь, не вру. Прямо в точности то место видно, куда оно опускается.

На обеих взрослых была офисная одежда хорошего уровня. Мамой, которую упомянула Джози, была, я догадалась, та, что повыше, потому что она смотрела на Джози, даже когда обменивалась со своей спутницей поцелуями в щеку. Потом спутница пошла и смешалась с идущими по тротуару, а Мама полностью обратилась в нашу сторону. И всего на секунду ее пронизывающий взгляд перешел со спины Джози на меня, и я немедленно отвела глаза и стала смотреть вверх, на Здание РПО. Но Джози опять говорила со мной через стекло, ее голос стал потише, но слышно было.

– Ну, мне пора. Но я скоро вернусь. Еще поболтаем. – Потом сказала почти шепотом, я едва расслышала: – Ты ведь меня дождешься, да?

Я кивнула и улыбнулась.

– Вот и отлично. Ну ладно, теперь прощаемся. Но ненадолго.

Мама тем временем подошла и стояла позади Джози. Она была черноволосая и худая, но не такая тоненькая, как Джози или некоторые из бегунов. Теперь, когда она была ближе и я могла рассмотреть лицо лучше, я подняла свою оценку ее возраста до сорока пяти. Как я говорила, я тогда хуже умела определять возраст, но потом выяснилось, что примерно так оно и есть. Вначале, на расстоянии, она показалась мне моложе, но, когда она приблизилась, я увидела глубокие складки вокруг рта и какое-то злое изнурение в глазах. И я заметила еще, что, когда Мама потянулась рукой к Джози со спины, ладонь на мгновение повисла в воздухе, чуть ли не пошла назад, прежде чем двинуться дальше и лечь на плечо дочери.

Они направились в потоке прохожих в сторону второго знака Зоны Принудительной Эвакуации, Джози шла своей осторожной походкой, Мама приобнимала ее рукой. Один раз, до того как скрыться из виду, Джози обернулась и, хотя ей пришлось нарушить ритм ходьбы, махнула мне на прощание.

* * *

Позднее в тот же день Роза сказала мне:

– Клара, странная вещь. Я всегда думала, мы увидим множество ИД и ИП на улице, когда окажемся в витрине. Тех, для кого уже нашелся дом. Но там их совсем немного. Интересно, где они.

Это помимо прочего было замечательно в Розе. Она не очень много всего примечала, и даже когда я ей что-то показывала, она не видела, что в этом особенного или интересного. И тем не менее изредка она делилась наблюдениями вроде этого. Как только она сказала, я поняла, что тоже ожидала

увидеть из витрины гораздо больше ИД и ИП, радостно сопровождающих своих подростков и даже порой идущих по каким-то их делам без них, и мне стало ясно, что, пусть и не сознавая того, я тоже была удивлена и слегка разочарована.

– Да, ты права, – сказала я, оглядывая улицу. – Вот, например, сейчас среди всех этих прохожих нет ни ИД, ни ИП.

– А вон там? Видишь, идет мимо Здания С Пожарными Лестницами?

Мы обе вгляделись, но затем одновременно покачали головами.

Хотя именно она задала этот вопрос про ИД и ИП снаружи, характерно для нее, что она вскоре потеряла к этому всякий интерес. Когда я наконец заметила тинейджера, проходящего со своим ИД мимо киоска с соками на стороне Здания РПО, она едва взглянула туда, где они шли.

Но я не переставала думать о том, что сказала Роза, и всякий раз, как все-таки видела на улице ИД или ИП, присматривалась внимательней. И вскоре обнаружила любопытную вещь: ту сторону, где Здание РПО, они неизменно выбирали чаще, чем эту. И нередко, если все же кто-то приближался к нам со своим подростком по нашему тротуару, то, миновав второй знак Зоны Принудительной Эвакуации, они переходили улицу и не шли мимо нашего магазина. А если и шли, то почти всегда эти ИД и ИП вели себя странно: ускоряли шаг и смотрели в другую сторону. Мне подумалось, что, может быть, мы – весь наш магазин – смущаем их чем-то. И подумалось, не будем ли мы с Розой, когда каждой из нас найдется дом, испытывать неловкость от напоминаний, что когда-то мы жили не с нашими подростками, а в магазине. Впрочем, как ни старалась, я не могла представить себе, что Роза или я когда-нибудь будем чувствовать такое по отношению к магазину, Администратору и другим ИД и ИП.

Потом, пока я продолжала смотреть наружу, мне пришла на ум другая возможность: что они не смущение испытывают, а страх. Что им страшно, потому что мы – новые модели, а значит, их мальчики и девочки вскоре могут решить, что пора их выбросить и заменить такими, как мы. Вот почему они плетутся мимо так неуклюже, не желая взглянуть в нашу сторону. И вот почему так мало ИД и ИП видно из нашей витрины. Насколько мы могли судить, на

следующей улице – за Зданием РПО – их было видимо-невидимо. Насколько мы могли судить, ИД и ИП снаружи делали все, чтобы выбрать любой другой маршрут, лишь бы только их мальчики и девочки не видели нас и не подходили к витрине.

С Розой я этими мыслями не делилась. Вместо этого, когда мы замечали на улице ИД или ИП, я всякий раз старалась завести разговор о том, счастливо ли ему или ей живется со своим подростком в его доме, и это неизменно радовало и волновало Розу. Она подхватила это как игру, показывала рукой и говорила: «Вон, смотри, смотри! Видишь, Клара? Этот мальчик просто влюблен в своего ИД! Смотри, как они вместе весело хохочут!»

И действительно, было множество пар, которые выглядели вполне счастливыми. Но Роза многого не улавливала. Часто, увидев идущую пару, она издавала восторженное восклицание, но я смотрела и понимала, что, пусть девочка и улыбается своему ИД, на самом деле она на него злится и, может быть, в эту самую минуту у нее в голове жестокие мысли на его счет. Я замечала такое постоянно, но ничего не говорила и позволяла Розе верить в хорошее.

На пятый наш день в витрине я увидела утром два такси, они медленно ехали по той стороне, где Здание РПО, и держались так близко друг к другу, что кто-нибудь совсем новый мог решить, будто они один автомобиль – этакое двойное такси. Потом переднее двинулось чуть быстрее и возник просвет, и я увидела через этот просвет на дальнем тротуаре девочку четырнадцати лет в рубашке с картинкой на манер комикса или мультфильма, идущую в сторону перехода. Она была без взрослых и без ИД или ИП, но выглядела уверенной в себе и слегка нетерпеливой, и из-за того, что она шла со скоростью такси, я могла некоторое время наблюдать за ней через просвет. Потом просвет между такси увеличился, и я заметила, что она все-таки не одна, а с ИД, – он следовал за ней, отстав на три шага. И даже за этот краткий промежуток времени я успела понять, что он не случайно идет вот так сзади: девочка решила, что они всегда будут так ходить – она впереди, а он в нескольких шагах за ней. Ее ИД смирился с этим, хотя люди на улице глядят на них и могут заключить, что девочка его не любит. И я увидела в походке ИД усталость и попыталась представить себе, каково это – обрести дом и при этом знать, что твой подросток тебя не жалуется. До этой пары мне не приходило на ум, что можно оказаться у подростка, который презирает тебя и хочет от тебя избавиться, но вы тем не менее продолжаете существовать вместе. Потом переднее такси, приближаясь к переходу, поехало медленнее, заднее подтянулось к нему, и я перестала видеть девочку и ее ИД. Я

продолжала смотреть в надежде, что они пойдут на нашу сторону, но их не было в переходящей толпе, а противоположный тротуар заслоняли другие такси.

* * *

Я ни за что бы не захотела, чтобы в витрине со мной была не Роза, а еще кто-то, и все же время, проведенное там, выявило разницу между нами. Не в том дело, что я сильнее желала узнавать новое о происходящем снаружи: на свой лад Роза была и зоркой, и взволнованной, и она так же, как я, беспокоилась о том, чтобы как можно лучше подготовиться и стать для кого-то по-настоящему доброй и полезной ИП. Но я чем больше смотрела, тем большему хотела научиться и, в отличие от Розы, была сначала озадачена, а затем все сильнее заморожена загадочными эмоциями, которые прохожие на улице иногда проявляли. Я сознавала, что если не пойму хотя бы часть этого загадочного, то, когда придет время, не смогу помогать своему подростку так, как следовало бы. И поэтому принялась высматривать на тротуарах, в проезжающих такси, в скоплениях людей, ожидающих на переходе, признаки поведения, в котором мне надо разобраться.

Вначале я хотела подключить к этому Розу, но вскоре поняла, что толку не выйдет. Однажды, в третий наш день в витрине, когда Солнце уже зашло за Здание РПО, на нашей стороне остановились два такси и водители вышли и начали драться. Это была не первая драка у нас на глазах: когда мы были еще совсем новые, мы собрались у витрины, чтобы получше видеть, как трое полицейских дерутся с Попрошайкой и его собакой перед пустым дверным проемом. Но та драка была не злая, и Администратор потом объяснила нам, что полицейские обеспокоились из-за Попрошайки, потому что он напился пьяный, и на самом деле хотели помочь ему. Но водители двух такси вели себя не как те полицейские. Они дрались так, будто важнее всего было причинить другому как можно больше вреда. Их лица так жутко кривились, что кто-нибудь новый мог принять их вовсе даже не за людей, и все время, пока они лупили друг друга, они выкрикивали жестокие слова. Прохожие вначале были до того поражены, что отступили от них, но затем какие-то офисные сотрудники и бегун их разняли. И хотя у одного была кровь на лице, оба сели обратно в свои такси, и все стало таким же, каким было раньше. Я даже заметила чуть погодя, что два такси – те, чьи водители только что дрались, – терпеливо ждут, одно перед другим, в одной полосе движения, чтобы загорелся зеленый свет.

Но когда я попробовала поговорить с Розой о том, что мы видели, она сказала с озадаченным видом:

- Драка? Клара, я не видела никакой драки.

- Роза, не может быть, чтобы ты не заметила. Это только что случилось прямо перед нами. Два водителя.

- А-а. Ты про таксистов! Я не поняла, что ты про них говоришь, Клара. О, их-то я видела, конечно. Но я не думаю, что они дрались.

- Роза, они конечно же дрались.

- Да нет, они притворялись. Играли просто.

- Роза, они дрались.

- Не говори глупостей, Клара! Ты странные вещи выдумываешь. Они просто играли. Им было весело, и проходим тоже.

В конце концов я просто сказала: «Может быть, ты и права, Роза», и вряд ли она потом возвращалась мысленно к этому случаю.

Но я не могла так легко забыть про водителей такси. Провожала взглядом кого-нибудь из идущих по тротуару и думала, не может ли он разозлиться так же, как они. Или пыталась представить себе, как будет выглядеть вот этот прохожий или эта прохожая, если его или ее лицо исказится от ярости. И главное – этого Роза никогда бы не поняла, – я старалась почувствовать внутри себя ту злость, какую испытывали водители. Пыталась вообразить, что мы с Розой до того разозлились одна на другую, что принялись вот так же драться, всерьез стараясь причинить друг другу телесный вред. Нелепая идея, но я видела водителей такси и потому пыталась найти в себе начатки подобного чувства. Ничего, впрочем, из этого не выходило, и кончалось всегда тем, что я смеялась над своими мыслями.

Видели мы, однако, из своей витрины и другое – другие эмоции, я вначале их не понимала, но в конце концов все же нашла в себе подобия, пусть и такие, что,

пожалуй, походили на тени на полу при свете потолочных ламп, когда витрина закрыта опущенной решеткой. Вот, например, случай с Кофейной Чашкой.

Это было через два дня после того, как в первый раз пришла Джози. Утро было наполнено дождем, и прохожие шагали сузив глаза, под зонтами и капающими шляпами. Здание РПО ливень мало изменил, разве только многие окна горели, как будто уже вечер. А на соседнем Здании С Пожарными Лестницами с левой стороны фасада появилось большое мокрое пятно, как будто с угла крыши натек какой-то пролившийся сок. Но потом вдруг пробилось Солнце, осветило намокшую улицу и крыши такси, и прохожие, увидев это, повалили густыми толпами, и в этой сутолоке я заметила маленького мужчину в дождевике. Он был на стороне Здания РПО, я оценила его возраст: семьдесят один год. Он махал и выкрикивал что-то, подойдя так близко к краю тротуара, что я обеспокоилась, как бы он не оказался перед движущимися такси. Случилось так, что с нами в витрине в эту минуту была Администратор – поправляла табличку перед нашей софой, – и она увидела машущего мужчину одновременно со мной. На нем был коричневый дождевик, и пояс с одной стороны свисал чуть ли не до щиколотки, но он, кажется, этого не замечал, продолжал махать и кричать кому-то на нашей стороне улицы. Перед нашим магазином образовалась толпа прохожих, не потому что все на нас хотели смотреть, а просто тротуар в эти мгновения был так заполнен, что никто не мог двигаться. Потом что-то переменялось, толпа сделалась реже, и я увидела стоящую перед нами маленькую женщину, спиной к нам, она смотрела через четыре полосы движущихся такси на мужчину, который махал. Лица ее я не видела, но по фигуре и сутулости дала оценку: шестьдесят семь лет. Я назвала ее мысленно Кофейной Чашкой, потому что со спины она в своем толстом шерстяном пальто выглядела маленькой, широкой и закругленной в плечах, похожей на керамические кофейные чашки, стоявшие кверху доньшками на Красных Полках. Хотя мужчина продолжал махать и звать и она, безусловно, его видела, она не махала и не кричала в ответ. Она стояла в полной неподвижности и даже не пошевелилась, когда двое бегунов приблизились к ней, обежали ее каждый со своей стороны и снова соединились, шлепая спортивными туфлями по мокрому тротуару.

Потом наконец она пошла. Она направилась к переходу, к чему мужчина побуждал ее знаками, – пошла сначала медленными шагами, а затем торопливо. Там ей опять пришлось остановиться, подождать вместе с другими на светофоре, и мужчина перестал махать, но смотрел на нее таким взволнованным взглядом, что я опять встревожилась, как бы он не пошел наперерез движущимся такси. Но нет, он успокоился и направился к своему концу

перехода, чтобы дождаться ее там. И когда такси остановились и Кофейная Чашка двинулась вместе со всеми через улицу, мужчина, я увидела, поднес к одному глазу кулак, как делали при мне дети в магазине, когда были чем-то расстроены. Потом Кофейная Чашка дошла до тротуара на стороне Здания РПО, и они с мужчиной обняли друг друга так крепко, что были теперь как бы одним большим человеком, и Солнце, заметив это, стало изливать на них Свое питание. Лица Кофейной Чашки я по-прежнему не видела, а у мужчины были закрыты глаза, и я не была уверена: то ли он очень счастлив, то ли очень огорчен.

– Эти двое, видно, так обрадовались друг другу, – сказала Администратор. И я поняла, что она смотрела на них так же пристально, как я.

– Да, они выглядят такими счастливыми, – сказала я. – Но странно: и огорченными тоже.

– Ох, Клара, – тихо промолвила Администратор. – Ничто от тебя не ускользает.

После этого Администратор долго молчала, держа табличку в руке и глядя через улицу, – даже после того, как пара скрылась из виду. Наконец она сказала:

– Вероятно, они долго не виделись. Очень-очень долго. Вероятно, когда они в прошлый раз так обнимались, они были еще молоды.

– Вы имеете в виду, Администратор, что они потеряли друг друга?

Она еще какое-то время постояла молча.

– Да, – сказала она в конце концов. – Видимо, так. Потеряли друг друга. И вероятно, сейчас по чистой случайности встретились вновь.

Голос Администратора был не такой, как обычно, и, хотя ее глаза смотрели за витрину, мне подумалось, что она сейчас не глядит ни на что в особенности. Мне даже стало любопытно: что могут подумать люди на улице, глядя на витрину и видя, что Администратор собственной персоной так долго в ней с нами вместе.

Потом она отвернулась от стекла и, проходя около нас, дотронулась до моего плеча.

– Иногда, – сказала она, – случаются особые моменты, когда люди ощущают и радость, и боль. Мне приятно, Клара, что ты так внимательна ко всему.

Администратор ушла, и Роза тогда сказала:

– Как странно. Я не поняла – о чем это она?

– Не думай про это, Роза, – сказала я ей. – Она просто рассуждала о том, что снаружи делается.

Тут Роза заговорила о чем-то другом, но я продолжала думать про Кофейную Чашку и ее Мужчину В Дождевике и про то, что сказала Администратор. И я попыталась представить себе, что бы я почувствовала, если бы мы с Розой много времени спустя, когда для каждой из нас уже давным-давно нашелся свой дом, случайно встретились на улице. Испытала бы я тогда, как сказала Администратор, и радость, и боль?

* * *

Однажды утром в начале нашей второй недели в витрине я разговаривала с Розой о чем-то на стороне Здания РПО – и осеклась, увидев, что на тротуаре перед нами стоит Джози. Рядом с ней была ее мама. На этот раз никакого такси позади них не было, хотя, может быть, просто оно уже уехало, а я не заметила из-за группы туристов между нашей витриной и местом, где Джози с Мамой сейчас стояли. Но теперь туристы прошли, пешеходы вновь гладко текли по тротуару, и Джози смотрела на меня, сияя радостью. Когда она улыбалась, ее лицо – я опять подумала – переполняла доброта. Но подойти к витрине она пока еще не могла, потому что Мама наклонилась к ней и что-то ей говорила, держа руку на ее плече. На Маме было пальто – тонкое, темное, хорошего уровня, – и оно шевелилось на ветру вокруг ее тела, поэтому на мгновение она напомнила мне одну из тех темных птиц, что сидят на высоких уличных знаках даже когда ветер дует неистово. И Джози, и Мама, разговаривая, глядели прямо на меня, и я видела, что Джози не терпит подойти, но Мама не отпускала ее, не переставала что-то ей объяснять. Я знала, что мне полагается все равно смотреть на Здание РПО, как смотрит Роза, но невольно я поглядывала на них украдкой – уж очень меня беспокоило, что они скроются в толпе.

Наконец Мама выпрямилась, и, хотя она продолжала на меня смотреть, меняя наклон головы всякий раз, как прохожий заслонял ей вид, она убрала руку, и Джози двинулась вперед своей осторожной походкой. Меня ободрило, что Мама позволила Джози подойти одной, но Мамин взгляд, которого она ни разу не смягчила и не отвела, и само то, как она там стояла, скрестив руки на груди и ухватившись пальцами за ткань пальто, наводили меня на мысль о множестве сигналов, которых я еще не научилась понимать. Тем временем Джози встала передо мной по ту сторону стекла.

- Привет! Как делишки?

Я улыбнулась, кивнула и подняла большой палец – этот жест мне не раз встречался в интересных журналах.

- Прости, раньше не могла, – сказала она. – Прошло, кажется... сколько?

Я подняла три пальца и добавила полпальца другой руки.

- Долго, – сказала она. – Прости меня. Скучала?

Я кивнула и сделала печальное лицо, но постаралась показать, что это не серьезно, что на самом деле я не была огорчена.

- Я тоже по тебе скучала. Я правда думала, что раньше получится. Ты, наверно, решила, что я уже всё. Прошу прощения, честно. – Потом ее улыбка ослабла, и она сказала: – Тут, наверно, уйма парней и девчонок побывала, все смотрели на тебя.

Я покачала головой, но Джози это, кажется, не убедило. Она обернулась бросить взгляд на Маму – не для большей уверенности, а узнать, не подошла ли она ближе. Потом, понизив голос, Джози сказала:

- У мамы чудной вид, я знаю: смотрит и смотрит. Это потому, что я ей сказала про тебя. Говорю, вот кого я выбрала, вот кто мне нужен, и теперь она тебя изучает. Прости, пожалуйста. – Мне показалось, в ней, как в тот раз, проглянула грусть. – Поедешь к нам, а? Если мама одобрит, и все такое.

Я ободряюще кивнула. Но в ее лице оставалась неуверенность.

– Потому что я не хочу, чтобы ты ехала против воли. Так будет нечестно. Мне очень хочется, чтобы ты приехала, но если ты скажешь: нет, Джози, я не желаю, то я скажу маме: ладно, жаль, но ничего с ней не вышло. Но ты хочешь к нам, да?

Я опять кивнула, и на этот раз Джози, кажется, поверила.

– Прекрасно! – Улыбка вернулась на ее лицо. – Тебе у нас понравится, уж я для этого постараюсь. – Она вновь оглянулась, теперь с торжествующим видом. – Мама! Вот, она говорит, что хочет ко мне!

Мама кивнула маленьким кивком, но другого ответа не дала. Она все еще вглядывалась в меня, пальцы крепко защемили ткань. Когда Джози повернулась ко мне обратно, лицо девочки снова было омрачено.

– Послушай, – начала она, но умолкла на несколько секунд. Потом сказала: – Так здорово, что ты к нам хочешь. Но я хочу, чтобы с самого начала все между нами было ясно, поэтому вот что. Не волнуйся, мама не слышит. Ну так вот. Я думаю, тебе понравится у нас дома. Я думаю, ты полюбишь мою комнату, ты в ней будешь жить, а не в шкафу каком-нибудь. И мы всякие дела замечательные будем с тобой делать, пока я буду взрослеть. Но только дело в том, что иногда, ну... – Она опять быстро оглянулась и, еще понизив голос, сказала: – Может быть, все это из-за того, что бывают дни, когда я не так хорошо себя чувствую. Не знаю. В общем, что-то иногда может быть такое... точно не понимаю что. Не уверена даже, что плохое. Но бывает так, что у нас становится, ну, необычно. Нет, ты не думай, большую часть времени ты не будешь ничего такого чувствовать. Но я хотела с тобой начистоту. Потому что ты ведь знаешь, как иногда паршиво бывает: люди уверяют, что все будет распрекрасно, а на самом деле ничего подобного. Вот почему я сейчас тебе говорю. Пожалуйста, скажи мне, что все равно хочешь к нам. Моя комната тебе очень-очень понравится, я точно знаю. И ты увидишь, куда Солнце опускается, я в прошлый раз тебе говорила. Хочешь к нам все равно, а?

Я кивнула ей из-за своего стекла так серьезно, как только могла. И хотела дать ей понять, что если в ее доме придется столкнуться с чем-то трудным, с чем-то пугающим, то мы будем преодолевать это вместе. Но я не знала, как передать

такую сложную мысль через стекло без слов, поэтому я сцепила ладони, подняла их и слегка ими покачала – этим жестом, я видела раньше, один водитель изнутри своего движущегося такси ответил кому-то, кто помахал ему с тротуара, хоть водителю и пришлось для этого снять обе руки с руля. Как бы Джози этот мой жест ни истолковала, вид у нее стал радостный.

– Спасибо тебе большое, – сказала она. – Нет, ты не думай. Может быть, и вовсе нет ничего плохого. Может быть, я зря что-то навоображала...

В этот момент Мама окликнула Джози и двинулась в нашу сторону, но на пути у нее были туристы, и Джози успела быстро сказать:

– Я совсем-совсем скоро вернусь. Обещаю. Завтра, если получится. Пока, совсем ненадолго.

* * *

Джози не пришла ни на следующий день, ни еще на следующий. Потом, в середине второй недели, наше время в витрине закончилось.

Все эти дни мы получали от Администратора много теплой поддержки. Каждое утро, когда мы готовились на Полосатой Софе и ждали, чтобы поднялась решетка, она говорила примерно такие слова: «Вы обе вчера были чудо как хороши. Постарайтесь, чтобы и сегодня было не хуже». А в конце каждого дня она улыбалась нам: «Отлично справились обе. Я вами очень горда». Поэтому мне никогда не приходило на ум, что мы могли в чем-то оплошать, и когда в наш последний день решетка опустилась, я ожидала, что Администратор опять нас похвалит. И меня удивило, что, заперев решетку, она просто отошла, не подождав нас. Роза посмотрела на меня озадаченно, и несколько секунд мы продолжали сидеть на Полосатой Софе. Но из-за опущенной решетки мы были в почти полной темноте, поэтому через некоторое время мы встали и сошли с возвышения.

Торговый зал был перед нами, и я видела все вплоть до Стеклянного Стола в глубине, но пространство разбилось на десять прямоугольных секций, так что теперь передо мной не было единой цельной картины. Передняя ниша, как и следовало ожидать, была в крайней правой секции; но журнальный стол,

который находился рядом с передней нишей, разделился между разными секциями, так что одна часть стола даже виднелась в крайней секции слева. Свет в магазине был уже пригашен, и в нескольких секциях на заднем плане я видела других ИД и ИП, они готовились ко сну вдоль стен в середине зала. Но мое внимание притягивали три центральные секции – в тот момент между ними был разделен облик Администратора, которая как раз поворачивалась к нам. В одной секции она была видна только от талии до верха шеи, а соседнюю почти целиком занимали ее глаза. Ближний к нам глаз был гораздо больше второго, но оба были полны доброты и печали. Однако в третьей секции, которая показывала часть подбородка и почти весь рот, я увидела злость и досаду. Потом Администратор повернулась совсем и пошла к нам, и вид магазина опять стал цельным.

– Спасибо вам обеим, – сказала она и, протянув руку, мягко дотронулась до нас по очереди. – Спасибо огромное.

И все равно что-то, я чувствовала, изменилось: чем-то мы разочаровали ее.

* * *

После этого начался наш второй период в средней части магазина. Мы с Розой по-прежнему часто были вместе, но Администратор теперь меняла наше расположение, и я могла провести день, стоя около ИД Рекса или ИП Кику. Большинство дней, однако, я проводила там, откуда была видна часть витрины и улица за ней, поэтому могла и дальше узнавать новое про наружные дела. Например, когда появилась КОТЭ-машина, я была на той стороне, где журнальный стол, прямо перед центральной нишей, и мне было почти так же хорошо видно, как если бы я все еще сидела в витрине.

Уже за несколько дней стало ясно, что КОТЭ-машина – это будет что-то особенное. Вначале, чтобы все для нее подготовить, пришли ремонтные люди, они огородили часть улицы деревянными барьерами. Водителям такси это очень не понравилось, их громкие гудки звучали не переставая. Потом ремонтные люди начали долбить и взламывать поверхность улицы и даже участки тротуара, чем испугали двоих ИД в витрине. Когда шум сделался просто ужасным, Роза поднесла ладони к ушам и оставила их там, хотя в магазине были покупатели. Администратор извинялась перед каждым, кто к нам входил, хотя шум был не из-за нас. Один покупатель начал говорить про Загрязнение и,

показывая на ремонтных людей снаружи, сказал, что Загрязнение опасно для всех. Поэтому, когда приехала КОТЭ-машина, я подумала, что это, наверное, машина, которая борется с Загрязнением, но ИД Рекс сказал – нет, она предназначена его усиливать. Я сказала ему, что не верю, а он мне на это ответил: «Подожди, Клара, сама увидишь».

Он, конечно, оказался прав. КОТЭ-машина – я мысленно назвала ее так, потому что на ее боку было большими буквами написано «КОТЭ», – начала с завывания на высокой ноте. Это было далеко не так плохо, как долбежка, и не хуже, чем пылесос Администратора. Но из ее крыши торчали три короткие трубы, и из них пошел дым. Вначале он вылетал маленькими белыми клубами, но затем потемнел и стал подниматься не отдельными сгустками, а одной плотной тучей без просвета.

Когда я взглянула в следующий раз, улица была разделена на несколько вертикальных блоков – со своего места я, не наклоняясь вперед, вполне отчетливо видела три из них. Густота темного дыма в разных блоках казалась разной, можно было подумать, что предлагаются на выбор контрастирующие оттенки серого. Но даже там, где дым стоял плотнее всего, я все равно различала много подробностей. В одном блоке, например, был кусок деревянного барьера ремонтных людей и была, как бы прикрепленная сейчас к барьеру, передняя часть такси. В соседнем блоке, косо срезая его верхний угол, виднелся металлический прут, в котором я узнала деталь одного из высоких уличных знаков. И, вглядываясь, я даже могла различить часть темного силуэта сидящей на нем птицы. В какой-то момент я увидела бегуна, и когда он переместился из одного блока в другой, изменились и величина фигуры, и направление движения. А потом Загрязнение до того ухудшилось, что даже со стороны журнального стола я больше не видела небесного промежутка, и сама витрина, которую стекольные люди так гордо очищали для Администратора, покрылась грязными точками.

Мне очень жалко стало двоих ИД, которые так долго ждали своей очереди в витрине. Они продолжали там сидеть в хороших позах, но я увидела, как один из них не выдержал и закрыл лицо локтем, как будто Загрязнение могло проникнуть через стекло. Администратор тогда поднялась на возвышение и зашептала ему на ухо что-то успокаивающее, но, когда она наконец сошла вниз и начала поправлять браслеты в Передвижной Витрине, я увидела, что она тоже расстроена. Я подумала, что она, может быть, даже выйдет наружу разговаривать с ремонтными людьми, но тут она заметила нас, улыбнулась и

сказала:

– Пожалуйста, послушайте все. Да, это неприятно, но волноваться не о чем. Несколько дней потерпеть, и все будет позади.

Но прошел день, за ним еще день, а КОТЭ-машина все не унималась, и день сделался почти как ночь. Один раз я принялась искать на нашем полу, в нишах и на стенах Солнечные фигуры, но их больше там не было. Солнце, я знала, старалось изо всех сил, и ближе к вечеру второго скверного дня, пусть даже дым стал еще гуще, Его фигуры снова появились, хоть и очень бледные. Я обеспокоилась и спросила Администратора, будем ли мы получать все нужное питание, но она ответила со смехом:

– Этот ужас тут уже был несколько раз, и никто в магазине не пострадал. Так что перестань об этом думать, Клара.

И все-таки после четырех дней непрерывного Загрязнения я почувствовала, что слабею. Я старалась этого не показывать, особенно при покупателях. Но – возможно, из-за КОТЭ-машины – в магазине теперь подолгу не было покупателей вовсе, и я иногда позволяла себе поникнуть телом, так что ИД Рексу приходилось трогать мою руку, чтобы я опять встала прямо.

Потом однажды утром поднялась решетка, и не только КОТЭ-машины, но и всего огороженного участка уже не было. Загрязнение тоже ушло, небесный промежуток вернулся и сиял голубизной, и Солнце вливал в магазин Свое питание. Такси вновь ехали гладко, водители были счастливы. Даже бегуны пробегали с улыбками. Все время, пока тут была КОТЭ-машина, я беспокоилась, что Джози, может быть, пытается прийти в магазин, но Загрязнение ей мешает. Теперь, однако, с этим было покончено, и настроение в магазине и снаружи стало таким приподнятым, что у меня возникло чувство: если Джози вернется, то сегодня. Но во второй половине дня я осознала, что эта идея ни на чем не основана. Я перестала высматривать Джози на улице и сосредоточилась вместо этого на том, чтобы узнать побольше о наружных делах.

* * *

Через два дня после того, как КОТЭ-машина уехала, в магазин пришла девочка с короткими волосами торчком. Двенадцать с половиной лет – так я оценила. Тем утром она была, как бегуны, в ярко-зеленой маечке, ее тоненькие руки были оголены до самых плеч. Она пришла с отцом, одетым в повседневный офисный костюм очень хорошего уровня, и поначалу, пока они бессистемно ходили и все рассматривали, разговаривали они мало. Я сразу заметила, что девочка заинтересовалась мной, хотя она всего лишь бегло на меня взглянула, прежде чем вернуться в переднюю часть магазина. Через минуту, однако, пришла обратно и сделала вид, будто поглощена браслетами в Передвижной Витрине, позади которой я стояла. Потом огляделась, чтобы убедиться, что ни ее отец, ни Администратор на нее не смотрят, и ради пробы приналегла на витрину туловищем, из-за чего она чуть-чуть сдвинулась на колесиках. Делая это, девочка посмотрела на меня с легкой улыбкой, как будто перемещение витрины – наш с ней особый секрет. Затем она, потянув витрину на себя, вернула ее на прежнее место и позвала: «Папа!» Он не отозвался – поглощенно рассматривал пару, сидевшую на Стеклянном Столе в глубине магазина, – и тогда девочка бросила на меня последний взгляд и отправилась к нему. Они начали переговариваться тихим шепотом, постоянно поглядывая в мою сторону, – не было сомнений, что обсуждали меня. Администратор, заметив это, поднялась из-за своего стола, подошла и встала недалеко от меня, сцепив руки перед собой.

В конце концов после долгих перешептываний девочка двинулась обратно, миновала Администратора и оказалась со мной лицом к лицу. Потрогала по очереди мои локти, затем взялась правой рукой за мою левую ладонь и держала ее, разглядывая мое лицо. Глаза смотрели строго, но я ощутила пожатие руки, оно было мягким, нежным, и я поняла, что это задумано как еще один наш маленький секрет. Но я ей не улыбалась. Безучастно смотрела вверх ее шипастой головы на Красные Полки на противоположной стене, в особенности на ряд керамических кофейных чашек, выставленных кверху дном на третьем ярусе. Девочка пожала мне ладонь еще дважды, во второй раз уже не так нежно, но я не опускала на нее глаз и не улыбалась.

Отец между тем подошел ближе, ступая мягко – видимо, чтобы не нарушить особый момент. Администратор тоже придвинулась к нам и стояла теперь прямо позади отца. Я примечала все это, но не сводила глаз с Красных Полок и керамических кофейных чашек, а моя рука, которую девочка держала, была расслаблена, так что, если бы она ее отпустила, рука просто упала бы вниз.

Я все отчетливей сознавала, что Администратор смотрит на меня. Потом услышала ее слова:

– Клара великолепна. Она одна из наших лучших. Но, может быть, юной леди интересно будет взглянуть на новых БЗ, которых мы только что получили.

– БЗ? – Голос отца прозвучал взволнованно. – Они у вас уже есть?

– У нас эксклюзивные отношения с поставщиками. БЗ только что прибыли и еще не прошли настройку. Но я с удовольствием их вам покажу.

Девочка с торчащими волосами пожала мне ладонь еще раз.

– Но, папа, я хочу эту. Она как раз такая.

– Но у них уже есть новые БЗ, радость моя. Не хочешь просто сходить и взглянуть? Ни у кого из твоих знакомых нет этой модели.

Долгая пауза, затем девочка отпустила мою руку. Я позволила руке упасть и продолжала смотреть на Красные Полки.

– Что это за новые БЗ, что в них особенного? – спросила девочка, отходя от меня к отцу.

Пока девочка держала мою руку, я не думала про Розу, но теперь я о ней вспомнила – она стояла слева от меня и глядела на меня с изумлением. Я хотела посмотреть на нее так, чтобы она отвела глаза, но решила, что буду продолжать разглядывать Красные Полки, пока девочка, ее отец и Администратор не уйдут в дальнюю часть зала. Я услышала, как отец смеется из-за каких-то слов Администратора, а затем, когда наконец посмотрела им вслед, то увидела, что Администратор открывает дверь Только Для Персонала в самой глубине магазина.

– Прошу вашего извинения, – говорила она при этом. – Тут не очень-то прибрано.

– Нам повезло, это привилегия, что нас сюда пускают, – сказал отец девочки. – Верно говорю, радость моя?

Они вошли, дверь за ними закрылась, и я уже не могла расслышать их слов, хотя один раз до меня донесся смех девочки с шипастой прической.

Дальше было занятое утро. Пока Администратор с отцом девочки оформляли заказ на доставку нового БЗ, пришли другие покупатели. Поэтому только после полудня, когда наконец настало затишье, Администратор подошла ко мне.

- Клара, ты меня удивила сегодня утром, - сказала она. - От тебя уж никак не ожидала.

- Простите меня, Администратор.

- Что на тебя нашло? Совсем была на себя не похожа.

- Мне очень жаль, Администратор. Я не хотела причинять затруднений. Просто мне показалось, что для этой девочки я, возможно, не лучший выбор.

Администратор продолжала смотреть на меня.

- Может быть, ты и права, - сказала она в конце концов. - Я верю, что девочка будет рада и счастлива со своим новым БЗ. И все равно, Клара, я была очень удивлена.

- Мне очень жаль, Администратор.

- В этот раз я тебя поддержала. Но больше такого не будет. Покупатель выбирает себе ИД или ИП, а вовсе не наоборот.

- Я понимаю, Администратор. - Затем я тихо сказала: - Спасибо вам, Администратор, за то, что вы сегодня сделали.

- Все хорошо, Клара. Но помни: больше такого не будет.

Она двинулась было от меня, но повернулась и пошла обратно.

– Ведь не может же быть так, Клара? Что ты поверила в какую-то будто бы договоренность?

Я подумала, что Администратор сейчас отчитает меня, как отчитала однажды двоих ИД за то, что они смеялись в витрине над Попрошайкой. Но она положила руку мне на плечо и сказала более тихим голосом, чем раньше:

– Позволь мне объяснить тебе кое-что, Клара. Подростки дают обещания постоянно. Подходят к витрине и кучу всего обещают. Говорят, что непременно вернуться, просят ждать и никому другому не даваться. Постоянно такое происходит. Но чаще всего подросток так и не возвращается. Или хуже: возвращается и, не обращая внимания на бедняжку, которая ждала, выбирает себе другую. Уж такие они, подростки. Клара, ты за многим наблюдаешь, многому учишься. Что ж, вот тебе еще один урок. Поняла меня?

– Да, Администратор.

– Хорошо. И давай на этом поставим точку.

Она дотронулась до моей руки и отвернулась.

* * *

Новые БЗ – три ИД – вскоре прошли настройку и заняли свои места. Двое отправились прямо в витрину, где появилась большая новая табличка, третьему дали переднюю нишу. Четвертый БЗ, разумеется, был уже куплен девочкой с торчащими волосами и отправлен, никто из нас с ним не встречался.

Мы с Розой остались в середине зала, но после появления новых БЗ нас переместили к Красным Полкам. После того как окончилась наша очередь в витрине, у Розы вошло в привычку повторять то, что нам говорила Администратор: что каждое место в магазине хорошее и что нас с таким же успехом могут выбрать в средней части, как в витрине или в передней нише. Что ж, в случае Розы это подтвердилось.

В том, как день начался, ничто не предвещало такого крупного события. Точно так же проезжали такси и шли пешеходы, точно так же поднялась решетка,

точно так же с нами поздоровалась Администратор. Но к вечеру Роза была куплена и исчезла за дверью Только Для Персонала, где ее стали готовить к отправке. Мне думается, я всегда считала, что перед тем, как ей или мне придет пора первой покинуть магазин, у нас будет много времени, чтобы все обговорить. Но все произошло очень быстро. Я мало что полезного успела узнать про мальчика и его маму, которые пришли и выбрали ее. И как только они покинули магазин и Администратор подтвердила, что Розу купили, она сделалась до того возбуждена, что никакого серьезного разговора с ней получиться не могло. Я хотела пройтись по многому, о чем ей не следовало забывать, чтобы быть хорошей ИП, хотела напомнить ей, чему нас учила Администратор, и разъяснить ей все, что узнала про наружные дела. Но она ни на чем не могла остановиться, перескакивала с одного на другое. Высокий будет потолок у мальчика в комнате? Какого цвета у его семьи машина? Доведется ли ей увидеть море? Будут ли ей поручать собирать корзину для пикника? Я пыталась напомнить ей про Солнечное питание, про то, насколько оно важно, и вслух задалась вопросом, легко ли Солнцу заглядывать в комнату, где она будет жить, но Розе было неинтересно. Затем неожиданно для нас Розе настало время идти в заднюю комнату, и я увидела, как она в последний раз улыбается мне через плечо, перед тем как исчезнуть за дверью.

* * *

После того как Розу отправили, я осталась в середине зала. Двоих БЗ в витрине купили с разницей в один день, ИД Рексу тоже нашелся дом примерно в это время. Вскоре появились три новых БЗ – опять ИД, – и Администратор поместила их почти точно напротив меня, на стороне журнального стола, рядом с двумя ИД старой серии. Между мной и этой группой была Передвижная Витрина, поэтому я мало с ними переговаривалась. Но времени, чтобы наблюдать за ними, было вдоволь, и я увидела, до чего приветливы старшие ИД, они давали новым БЗ всевозможные полезные советы. Так что я предположила, что они хорошо поладили. Но потом начала замечать странное. Скажем, в течение утра трое БЗ могли мало-помалу отодвигаться от двоих старших ИД. Иногда делали крохотные шажочки в сторону; или один из БЗ проявлял интерес к чему-то за витриной, отходил посмотреть и возвращался немного не на то место, которое ему отвела Администратор. Четыре дня спустя уже не могло быть сомнений: трое новых БЗ нарочно отодвигаются от старших ИД, чтобы, когда приходят покупатели, выглядеть отдельной группой. Поначалу я не могла этому поверить – что ИД, и тем более ИД, тщательно отобранные Администратором, способны так себя вести. Я пожалела старших ИД, но потом поняла, что они ничего не

заметили. И еще я вскоре обратила внимание, а они нет, что БЗ, стоит кому-нибудь из старших ИД взяться что-нибудь им объяснять, обмениваются хитроватыми взглядами и знаками. Говорили, что новые БЗ отличаются всевозможными усовершенствованиями. Но как они могут быть хорошими ИД для своих подростков, если их ум изобретает такие идеи? Будь со мной Роза, я бы обсудила с ней то, что увидела, но ее, конечно, уже отправили.

* * *

Однажды днем, когда Солнце заглядывало в зал до самого его конца, Администратор подошла ко мне и сказала:

– Клара, я решила снова дать тебе время в витрине. На этот раз будешь одна, но я знаю, что ты не против. Ведь тебе так всегда интересно, что делается снаружи.

Я была до того удивлена, что только смотрела на нее и ничего не говорила.

– Милая Клара, – сказала Администратор. – А я всегда из-за Розы тревожилась. Ты не обеспокоена, нет? Ты не должна беспокоиться. Тебе непременно найдется дом, уж я об этом позабочусь.

– Нет, я не обеспокоена, Администратор, – ответила я и едва не сказала ей про Джози, но вовремя остановила себя, вспомнив наш разговор после того, как приходила девочка с торчащими волосами.

– Значит, с завтрашнего дня, – сказала Администратор. – Всего на шесть дней. И я назначаю тебе специальную цену. Не забывай, Клара, тебе опять поручено представлять наш магазин. Поэтому постарайся, пожалуйста.

Мое второе пребывание в витрине отличалось от первого, и не только тем, что со мной не было Розы. Улица была так же полна жизни, как раньше, но я почувствовала, что мне надо делать большее усилие, чтобы увиденное взволновало меня. Иногда такси замедляло ход, прохожий наклонялся поговорить с водителем, и я пыталась угадать, друзья они или враги. Еще я смотрела на маленькие фигуры людей, движущихся в окнах Здания РПО, и пыталась понять, какой в их перемещениях смысл, и представить, что человек

делал перед тем, как появился в прямоугольнике окна, и что будет делать потом.

Самым важным, что я увидела, когда второй раз сидела в витрине, было случившееся с Попрошкой и его собакой. Это было на четвертый день, когда после полудня сделалось так серо, что некоторые такси зажгли свои огоньки: я заметила, что Попрошки нет на его обычном месте в пустом дверном проеме между РПО и Зданием С Пожарными Лестницами, откуда он всегда приветствовал проходящих. Поначалу я не придавала этому значения, потому что Попрошка часто отходил, иной раз надолго. Но потом посмотрела еще раз через улицу и поняла, что все-таки он тут, как и его собака; я потому их не сразу увидела, что они лежали на земле. Они притиснулись к пустому дверному проему, чтобы не мешать прохожим, поэтому с нашей стороны их можно было принять за мешки, которые иногда оставляют городские рабочие. Но теперь я стала присматриваться сквозь промежутки между пешеходами и увидела, что Попрошка не шевелится, как и собака в его объятиях. Иной раз прохожий это замечал и приостанавливался, но потом шел дальше. В конце концов Солнце почти зашло за Здание РПО, а Попрошка и собака лежали точно так же, как весь день, и стало ясно, что они умерли, хотя прохожие об этом не знали. Мне сделалось от этого печально, хотя хорошо все-таки было то, что они умерли вместе, прижимаясь друг к другу и стараясь оказать друг другу помощь. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь обратил внимание и их забрали куда-нибудь в лучшее место, в более тихое, и я думала, не сказать ли Администратору. Но, когда настало время мне выходить из витрины на ночь, у нее был такой утомленный и серьезный вид, что я решила ничего не говорить.

На следующее утро решетка поднялась, и день оказался чудесным. Солнце изливало Свое питание на улицу и здания, и когда я посмотрела туда, где умерли Попрошка и его собака, то увидела, что они вовсе не умерли, что особое Солнечное питание их спасло. На ноги Попрошка еще не встал, но он улыбался сидя, спиной он прислонился к пустому дверному проему, одну ногу вытянул, другую согнул, чтобы рука могла покоиться на колене. А свободной рукой он ласкал шею собаки, которая тоже вернулась к жизни и смотрела из стороны в сторону на идущих людей. Они оба жадно вбирали в себя особое питание Солнца и делались сильнее с каждой минутой, и я видела, что скоро – может быть, даже сегодня днем – Попрошка снова будет на ногах и примется, как обычно, весело перебрасываться словами с прохожими, стоя в пустом дверном проеме.

Вскоре мои шесть дней подошли к концу, и Администратор сказала мне, что я оказала магазину огромную услугу. Пока я была в витрине, продолжила она, количество заходящих было выше среднего, и я была очень рада это услышать. Я поблагодарила ее за этот второй раз, она в ответ улыбнулась и сказала, что ждать мне, она уверена, теперь осталось недолго.

* * *

Через десять дней меня переместили в заднюю нишу. Администратор, зная, как я люблю смотреть наружу, заверила меня, что это всего на несколько дней, а потом я смогу вернуться в середину зала. В любом случае, сказала она, задняя ниша – очень хорошее место, и мне там в самом деле оказалось совсем не плохо. Мне всегда нравились две ИП, которые сейчас сидели на Стеклянном Столе у задней стены, и я теперь была к ним достаточно близко, чтобы подолгу переговариваться, когда нет покупателей. Задняя ниша, однако, находилась за аркой, поэтому оттуда не только не было возможности выглянуть на улицу, но даже и передняя часть магазина была плохо видна. Чтобы увидеть только что вошедших посетителей, мне надо было сильно наклониться, потому что мешал боковой выступ арки, и даже тогда – и даже если сделать несколько шагов – вид все равно загораживали серебряные вазы на журнальном столе и БЗ, стоявшие в середине зала. С другой стороны, может быть, потому, что мы были дальше от улицы, или потому, что потолок в глубине магазина был скошен книзу, звуки я слышала отчетливей. Вот почему я только по шагам, задолго до того, как она что-то сказала, поняла, что в магазин пришла Джози.

– Зачем там у них были все эти духи? Я чуть не задохнулась.

– Мыло, Джози, – прозвучал голос Мамы. – Не духи. Мыло ручной работы, очень качественное.

– Не тот был магазин. Здесь тот самый. Я тебе говорила, мама. – Послышались ее осторожные шаги по полу. Потом она сказала: – Да, тот самый магазин, точно. Но ее уже тут нет.

Я сделала три маленьких шага вперед и увидела между серебряными вазами и БЗ Маму – она смотрела на что-то заслоненное от меня. Ее лицо было мне видно только сбоку, но она выглядела еще более уставшей, чем в тот раз на тротуаре, когда напонила мне одну из высоко сидящих птиц на ветру. Я догадалась, что

она смотрит на Джози – и что Джози разглядывает новую БЗ в передней нише.

Долгое время ничего не происходило. Потом Мама спросила:

– Ну, Джози, что ты думаешь?

Джози не отвечала, и я услышала шаги Администратора. Я ощущала теперь ту особую тишину в магазине, что наступает, когда все ИД и ИП прислушиваются: произойдет ли покупка?

– Сунь И – конечно, БЗ, – сказала Администратор. – Одна из самых безупречных, какие мне встречались.

Мне видно было теперь плечо Администратора, но Джози я по-прежнему не видела. Потом раздался ее голос:

– Ты просто фантастическая, Сунь И. Так что, пожалуйста, не пойми неправильно. Просто...

Она не договорила, опять зазвучали ее осторожные шаги, и тут в первый раз я ее увидела. Джози водила взглядом по всему магазину.

Мама сказала:

– Я слышала, что у этих новых БЗ очень хорошие когнитивные способности и память. Но якобы они иногда менее эмпатичны.

Администратор издала звук, в котором слышались и вздох, и смех.

– В самом начале, возможно, два-три из них были сочтены чуточку непокладистыми. Но я могу решительно вас заверить: Сунь И подобных трудностей не вызовет.

– Вы не будете возражать, – спросила Мама, – если я обращусь к Сунь И непосредственно? Я хотела бы задать ей несколько вопросов.

– Но, мама, – вмешалась Джози, теперь она опять не была мне видна, – зачем? Сунь И замечательная, я знаю. Но я не ее хочу.

– Мы не можем искать вечно, Джози.

– Но это тот самый магазин, точно тебе говорю, мама. Она была здесь. Думаю, мы опоздали, вот и все.

Неудачно вышло, что Джози появилась именно тогда, когда я была в глубине магазина. И все равно я не сомневалась, что рано или поздно она придет в мою часть зала и увидит меня, и это была одна из причин, по которым я оставалась на месте и не издавала ни звука. Но пожалуй, была и другая причина. Потому что почти в ту же секунду, что и радость из-за ее прихода в магазин, я почувствовала страх – страх, связанный с тем, что сказала мне в тот день Администратор про подростков, которые обещают, но не приходят, а если приходят, то не обращают внимания на того или ту, кому обещали, и выбирают себе кого-то еще. Может быть, именно поэтому я продолжала ждать молча.

Потом опять раздался голос Администратора, и теперь в нем звучало что-то новое.

– Прошу прощения, мисс. Я правильно понимаю, что вы ищете определенную ИП? Которую когда-то здесь видели.

– Да, мэм. Она у вас в витрине раньше сидела. Милая такая и очень умная. На француженку была похожа. Волосы короткие, темные, и вся одежда, типа, темная такая, а глаза ну очень добрые, и умная-умная.

– Мне кажется, я догадываюсь, о ком вы говорите, – сказала Администратор. – Позвольте, мисс, я вас провожу, посмотрим.

Только теперь я выдвинулась на более видное место. Я все утро была вне Солнечных фигур, но сейчас, как раз когда Администратор и Джози следом за ней подошли к арке, я вступила в два ярких пересекающихся прямоугольника. Когда Джози меня увидела, ее лицо наполнилось радостью, и она ускорила шаг.

– Ты еще здесь!

Она еще больше похудела. Шла все той же неуверенной походкой, и мне показалось, что хочет меня обнять, но в последний момент она остановилась и посмотрела мне в глаза.

- Обалдеть! Я в самом деле думала, тебя уже тут нет!

- Как меня могло тут не быть? - тихо сказала я. - Мы же обещали друг другу.

- Да, - сказала Джози. - Да, вроде как обещали. А я вроде как нарушила. В смысле - тем, что долго не приходила.

Я улыбалась ей, а она крикнула через плечо:

- Мама! Вот она! Которую я искала!

Мама медленно подошла к арке и там остановилась. И какое-то время все три смотрели на меня: Джози впереди, она вся сияла; Администратор чуть дальше, она тоже улыбалась, но в ее взгляде была осторожность, в которой я увидела важный сигнал от нее; а еще дальше Мама, она сощурила глаза, как люди на тротуаре, когда им хочется понять, свободно такси или занято. И когда я ее увидела, когда увидела, как она на меня смотрит, страх - который почти исчез, когда Джози крикнула: «Ты еще здесь!» - вернулся.

- Я не хотела так долго, - говорила мне Джози. - Но я немножко заболела. А сейчас выздоровела, все хорошо. - Потом она обернулась: - Мама! Можно мы ее прямо сейчас купим? А то кто-нибудь придет и заберет ее до нас!

Стало тихо, а потом Мама негромко сказала:

- Это не Б3, насколько я понимаю.

- Клара - Б2, - сказала Администратор. - Из четвертой серии, непревзойденной - есть такое мнение.

- Но не Б3.

- В БЗ много всего чудесного, новаторского. Но у ряда покупателей возникло ощущение, что для мальчика или девочки определенного склада БЗ высшей категории - все-таки наилучший вариант.

- Понимаю.

- Мама. Я Клару хочу. Больше никого.

- Одну минутку, Джози. - Она обратилась к Администратору: - Каждый Искусственный Друг и каждая Искусственная Подруга уникальны, правильно?

- Да, это так, мэм. Тем более на этом уровне.

- И в чем состоит уникальность этой... Клары?

- У Клары так много уникальных качеств, что я могла бы их перечислять все утро. Но если бы меня попросили выделить из них одно, то я бы назвала стремление наблюдать и познавать. Ее способность впитывать и усваивать все, что она видит вокруг себя, просто поразительна. В результате она сейчас понимает окружающее лучше и тоньше, чем любой ИД и любая ИП в этом магазине, не исключая БЗ.

- Да что вы говорите!

Мама вновь смотрела на меня прищуренными глазами. Затем сделала еще три шага в мою сторону.

- Вы не против, если я задам ей несколько вопросов?

- Пожалуйста.

- Мама, прошу тебя...

- Извини меня, Джози. Просто постой тут чуть-чуть, а я поговорю с Кларой.

Теперь Мама и я были лицом к лицу, и хотя я старалась по-прежнему улыбаться, это давалось мне нелегко, и, может быть, у меня даже не получилось скрыть свой страх.

– Клара, – сказала Мама. – Я прошу тебя не смотреть сейчас на Джози. И скажи мне теперь, не глядя. Какого цвета у нее глаза?

– Серые, мэм.

– Хорошо. Джози, тебя я попрошу не произносить ни слова. Итак, Клара. Голос моей дочери. Ты слышала, как она сейчас говорила. Как бы ты определила тон ее голоса?

– Ее разговорный диапазон – между ля-бемоль над средним до и до следующей октавы.

– Вот как, надо же...

Опять стало тихо, а потом Мама сказала:

– Последний вопрос, Клара. Что ты заметила в походке моей дочери?

– Возможно, имеется слабость в левом бедре. И правое плечо может давать болезненные ощущения, поэтому Джози ходит так, чтобы оберегать его от резких движений и ненужных столкновений.

Мама обдумала мой ответ. Затем сказала:

– Ну что ж, Клара. Раз ты, получается, так много про это знаешь. Воспроизведи мне, пожалуйста, походку Джози. Сделаешь это для меня? Прямо сейчас. Покажи мне, как моя дочь идет.

Позади нее Администратор, я увидела, открыла было рот, как будто хотела что-то сказать. Но ничего не сказала. Встретившись со мной взглядом, еле заметно кивнула.

И я пошла. Я отдавала себе отчет, что помимо Мама – и, конечно, Джози – весь магазин сейчас смотрит и слушает. Я вступила под арку, туда, где по полу протянулись Солнечные фигуры. Потом направилась к БЗ, стоящим посреди магазина, и к Передвижной Витрине. Я старалась, насколько могла, идти так же, как Джози шла при мне уже трижды – первый раз, когда мы с Розой были в витрине, а она вышла из такси, затем четыре дня спустя, когда Мама сняла руку с ее плеча и она двинулась к витрине, и, наконец, только что, когда она поспешила ко мне с облегчением и радостью в глазах.

Дойдя до Передвижной Витрины, я пошла вокруг нее и, даже протискиваясь мимо стоявшего около нее БЗ, старалась сохранять особенности ходьбы Джози.

Но, подняв глаза перед тем, как пойти обратно, я встретилась ими с Мамой, и что-то заставило меня остановиться. Она смотрела на меня все так же пристально, но ее взгляд теперь словно бы проходил сквозь меня, как будто я была стеклом оконной витрины, а она старалась увидеть что-то далекое за ним. Я замерла около Передвижной Витрины – нога выставлена вперед, пятка оторвана от пола, – и в магазине стояла странная тишина. Потом Администратор сказала:

– Как видите, Клара необычайно наблюдательна. Я никогда раньше с таким не сталкивалась.

– Мама. – На этот раз голос Джози был приглушенным. – Мама. Пожалуйста.

– Хорошо, хорошо. Мы ее берем.

Джози торопливо подошла ко мне. Обхватила меня руками и долго не отпускала. Взглянув поверх ее головы, я увидела радостную улыбку на лице Администратора, а лицо Мама, которая шарила в наплечной сумочке и опустила в нее взгляд, было изможденным и серьезным.

Часть вторая

Кухню было особенно трудно постичь, потому что многие ее элементы поминутно начинали взаимодействовать по-новому. Я оценила теперь то, как тщательно Администратор – безусловно, проявляя заботу о нас – следила в магазине, чтобы все предметы, даже такие маленькие, как браслеты и коробочка с серебряными сережками, все время находились на своих местах. А в доме Джози, и особенно на кухне, Помощница Мелания постоянно перемещала предметы, заставляя меня учиться заново. Однажды утром, например, Помощница Мелания четыре раза за четыре минуты меняла положение своего пищевого блендера. Но, когда я осознала важность Островка, дела пошли намного легче.

Островок располагался в центре кухни, и, может быть, чтобы подчеркнуть его неподвижность, его облицевали светло-коричневыми плитками, которые имитировали кирпичи здания. В его поверхность посередине вдавалась блестящая раковина, а вдоль длинной стороны стояли три высокие табуретки, на которых могли сидеть домашние. В те ранние дни, когда у Джози еще было много сил, она часто сидела у Островка, занимаясь с преподавателем через экран дощечки или просто отдыхая с карандашом и альбомом. Первое время мне было трудно сидеть на высокой табуретке у Островка, потому что ноги не доставали до пола, а если я пыталась ими покачивать, мешала перекладина между ножками табуретки. Но потом я переняла у Джози ее манеру и стала прочно упирать локти в поверхность Островка, и тогда пришло ощущение большей надежности – хотя Помощница Мелания в любой момент могла неожиданно возникнуть у меня за спиной, потянуться к кранам и пустить воду с большой силой. Когда это произошло в первый раз, я от неожиданности почти потеряла равновесие, но Джози подле меня едва шевельнулась, и вскоре мне стало ясно, что несколько водяных брызг никакой опасности в себе не несут.

Кухня давала Солнцу чудесную возможность в нее заглядывать. Там были большие окна, а в них широкое небо, и почти никакого транспорта и прохожих снаружи. Стоя у больших окон, можно было видеть дорогу, поднимающуюся на холм мимо дальних деревьев. Кухню часто наполняло наилучшее Солнечное питание, там, кроме больших окон, в высоком потолке был световой фонарь, который открывался и закрывался пультом. Вначале меня беспокоило, что Помощница Мелания часто задвигает под фонарем штору как раз в то время, когда Солнце шлет Свое питание. Но потом я увидела, как легко Джози делается слишком тепло, и научилась сама использовать пульт, когда Солнечная фигура на ней чересчур усиливалась.

Первое время мне было странно не только из-за того, что нет транспорта и прохожих, но и из-за отсутствия других ИД и ИП. Конечно, я и не ожидала, что они будут в доме, и видела много хорошего в том, что я единственная, потому что могла благодаря этому все внимание сосредоточить на Джози. Но я понимала, до чего я привыкла наблюдать за ИД и ИП вокруг меня и давать всевозможные оценки, и в этом отношении мне тоже надо было перестроиться. В те ранние дни случались, и нередко, минуты, когда я смотрела на шоссе, идущее по холму, или на поля, на которые открывался вид в заднее окно спальни, искала взглядом фигуру ИД или ИП вдаль и только потом вспоминала, где нахожусь и до чего это маловероятно так далеко от города и других зданий.

В свои самые первые дни в доме я по глупости считала Помощницу Меланию кем-то вроде Администратора, и это повело к некоторым недоразумениям. Например, я подумала, что она, наверное, обязана познакомить меня с разными сторонами моей новой жизни, и понятно, что Помощницу Меланию мое слишком частое пребывание около нее и озадачивало, и раздражало. Когда она в конце концов со злостью повернулась ко мне и закричала: «Хватит за мной, ИП, отвяжись ты, ну!» – я удивилась, но вскоре поняла, что ее роль в доме совсем не та, что у Администратора в магазине, и что я сама виновата.

Однако, даже делая скидку на эти недоразумения по моей вине, трудно отрицать, что Помощница Мелания с самого начала была против моего присутствия. Хотя я неизменно была с ней вежлива и, особенно в первые дни, старалась в мелочах ей угодить, она никогда не улыбалась в ответ на мои улыбки, и, кроме распоряжений и упреков, я ничего в свой адрес от нее не слышала. Сегодня, когда я собираю эти воспоминания воедино, мне очевидно, что ее враждебность была связана с ее общими страхами по поводу того, что могло происходить вокруг Джози. Но в то время мне нелегко было объяснить себе ее холодность. Часто казалось, что она хочет сократить время, которое я провожу с Джози – это, конечно, шло вразрез с моими обязанностями, – и вначале она даже пыталась помешать тому, чтобы я входила в кухню, когда Мама пьет свою чашечку кофе, а Джози завтракает. Только после настойчивых требований Джози – и решения Мама в мою пользу – мне в конце концов позволили быть на кухне в эти ключевые моменты каждого утра. Но даже тогда Помощница Мелания пыталась настаивать, чтобы, пока Джози и Мама сидят у Островка, я стояла у холодильника, и только после новых протестов Джози мне разрешили к ним присоединяться.

Чашечка кофе, которую пила Мама, была, как я сказала, важным ежеутренним моментом, и одной из моих обязанностей было будить Джози, чтобы она успела прийти на кухню к этому времени. Часто, несмотря на мои неоднократные попытки, Джози вставала только в самую последнюю минуту, и тогда она кричала мне из туалета, совмещенного с ванной: «Поскорей, Клара! Мы опоздаем!» – хотя я уже стояла на лестничной площадке и напряженно ждала.

Мы спускались на кухню, где Мама сидела у Островка, глядела на экран своей дощечки и пила свой кофе, а Помощница Мелания держалась поблизости, готовая налить ей кофе еще раз. Времени на то, чтобы Джози с Мамой поговорили, чаще всего было немного, но вскоре я поняла, как важно тем не менее для Джози, чтобы она могла посидеть с Мамой во время этой чашечки. Однажды, когда из-за болезни она большую часть ночи провела беспокойно, я позволила Джози снова заснуть после того, как разбудила ее: думала, правильнее будет дать ей еще немного отдохнуть. Когда она проснулась, она стала кричать мне злые слова и, несмотря на слабость, заторопилась, чтобы успеть на кухню вовремя. Но, когда она выходила из туалета, мы услышали Мамину машину на рассыпанных камешках внизу, поспешили к переднему окну и успели увидеть, как машина удаляется в сторону холма. Кричать на меня снова Джози не стала, но, когда мы спустились на кухню, она не улыбалась за завтраком. Я поняла тогда, что, если она опаздывает к Маминому кофе, то есть опасность, что в ее день закрадется одиночество, какими бы другими событиями он ни был наполнен.

Случались, однако, утра, когда Маме не надо было спешить – когда, хотя она была в своей офисной одежде хорошего уровня и ее сумка была прислонена к холодильнику, она пила свой кофе медленно, даже вставала с высокой табуретки и ходила по кухне с блюдцем и чашечкой в руках. Иногда, стоя перед большими окнами, где на нее ложилась утренняя Солнечная фигура, говорила что-нибудь, например, такое:

– Ты знаешь, Джози, у меня впечатление, что ты зря забросила цветные карандаши. Мне очень нравятся твои черно-белые вещи. Но все-таки скучно без твоих цветных.

– Я решила, мама, что мои цветные – сущий позор.

– Позор? Ну что ты!

– Мама. Я рисую в цвете – это все равно что ты играешь на своей виолончели. Нет, хуже.

От этих слов Джози Мамино лицо преобразилось в улыбке. Мама нечасто улыбалась, но, когда это происходило, ее улыбка была удивительно похожа на улыбку Джози: все лицо, казалось, заливала доброта, и те самые складки, что обычно придавали лицу такое напряженное выражение, становились, меняя форму, складками мягкой шутливости.

– Готова признать. Моя виолончель даже в минуты вдохновения говорила голосом бабушки графа Дракулы. Но твои цветные работы – это совсем другое, это скорее, ну, пруд летним вечером. Что-то вроде. Ты прекрасные вещи делаешь в цвете, Джози. Неповторимые.

– Мама. Родителям рисунки детей всегда такими кажутся. Это эволюционный процесс, биологическое что-то.

– Знаешь, что я думаю? Я думаю, все это оттого, что ты очень хорошую листовочку, которую нарисовала, принесла на ту встречу. На предпоследнюю. И эта девочка, эта Ричардс, сказала что-то чуть-чуть ироническое. Я уже тебе про нее говорила, знаю, но тут опять то же самое. Эта юная особа позавидовала твоему таланту. Потому и сказала то, что сказала.

– Ладно. Если, мама, ты и правда так считаешь, я, может быть, даже вернусь к цветным карандашам. А ты, со своей стороны, может быть, опять возьмешься за виолончель.

– О нет. Это пройденный этап. Разве только кому-нибудь отчаянно понадобится саундтрек для домашнего фильма про зомби.

Но бывали и другие утра, когда Мама не улыбалась и оставалась напряжена, пусть даже с кофе можно было не торопиться. Если, например, Джози что-то говорила про кого-нибудь из педагогов, учивших ее через экран дощечки, и старалась вовсю, чтобы звучало как можно забавнее, Мама в такое утро слушала ее с серьезным лицом, а потом перебивала:

– Мы можем поменять. Если он тебе не нравится, всегда можно поменять.

– Мама, я тебя умоляю. Я болтаю просто, понимаешь? На самом деле он намного лучше, чем тот, предыдущий. И смешной к тому же.

– Это хорошо. – Мама кивала, лицо по-прежнему было серьезным. – Ты всегда хочешь дать человеку полноценный шанс. Это хорошая черта.

В те дни, когда со здоровьем у Джози все было в порядке, ей нравилось повременить с вечерней едой до возвращения Мама с работы. Поэтому мы часто поднимались к Джози в спальню подождать Маминого приезда – и посмотреть, как Солнце отправляется на отдых.

Как Джози обещала, из заднего окна спальни открывался ясный вид через поля до самого горизонта, позволявший нам наблюдать, как Солнце в конце Своего дня опускается в землю. Хотя Джози всегда говорила «поле», на самом деле там было три поля, одно за другим, и, если приглядеться, можно было увидеть столбы, которые их разделяли. Трава на всех трех полях была высокая, и, когда дул ветер, она двигалась так, будто сквозь нее спешили невидимые прохожие.

Небо за этим задним окном спальни было гораздо обширней, чем небесный промежуток, который я видела из магазина, – и способно к удивительным переменам. Иногда оно было цвета лимона во фруктовой миске, а потом могло сделаться серым, как разделочная доска из сланца. Когда Джози была нездорова, оно могло иметь цвет ее рвоты или бледно окрашенного стула, порой на нем даже могла прожилками выступить кровь. Бывало так, что небо делилось на квадраты, у каждого – свой оттенок пурпурного.

У заднего окна спальни стоял мягкий, кремового цвета диван, который я про себя назвала Диваном С Пуговками. Хотя он смотрел в комнату, мы с Джози любили стоять на нем на коленях, положив руки на пухлую спинку, и глядеть в окно на небо и поля. Джози с большим уважением относилась к тому, как меня радовала последняя часть дневного пути Солнца, и мы старались не упускать возможности побыть в эти минуты на Диване С Пуговками. Однажды Мама вернулась с работы раньше обычного, и они с Джози разговаривали, сидя на табуретках у Островка, а я, чтобы дать уединение, отошла к холодильнику. Мама в тот вечер была в приподнятом настроении, говорила быстро, рассказывала забавное про людей в ее офисе, то и дело сама прерывала себя взрывами смеха и порой долго не могла его унять, чуть ли не задыхалась. Посреди этого разговора, когда показалось, что Мама вот-вот опять расхохочется, Джози перебила ее:

– Мама, все это замечательно. Но ты не против, если мы с Кларой на минутку поднимемся ко мне? Клара очень любит смотреть на закат, и если мы не пойдем сейчас, то пропустим.

Когда она это сказала, я оглянулась и увидела, что кухню наполнил вечерний свет Солнца. Мама смотрела на Джози во все глаза, и я подумала, что она сейчас рассердится. Но затем ее лицо смягчилось, появилась ее добрая улыбка, и она сказала:

– Ну конечно, дружок. Иди. Смотри свой закат. А потом поужинаем.

Кроме полей и неба из заднего окна спальни было видно еще кое-что, любопытное для меня: темное, по очертаниям похожее на коробку, в конце самого дальнего поля. Оно не двигалось, когда вокруг шевелилась трава, и, когда Солнце опускалось так низко, что почти касалось травы, темный силуэт оставался перед Его сиянием. В тот самый вечер, когда Джози ради меня пошла на риск и готова была рассердить Маму, я показала ей на этот силуэт. Она тогда поднялась повыше на Диване С Пуговками и поднесла ладони к глазам, чтобы дать им тень.

– А, ты про сарай мистера Макбейна.

– Сарай?

– Может быть, не совсем сарай, потому что он открыт с двух сторон. Скорее навес, мне кажется. Мистер Макбейн хранит там всякое разное. Я ходила туда однажды с Риком.

– Удивительно, что Солнце опускается на отдых в такое место.

– Ну да, еще бы, – сказала Джози. – Если подумать, Солнцу дворец нужен как минимум. Может быть, мистер Макбейн, с тех пор как я там была, устроил там все по-дворцовому.

– Мне хотелось бы узнать, когда Джози туда ходила.

– О, давно уже. Мы с Риком совсем еще маленькие были. До того, как я заболела.

– Там было что-нибудь необычное поблизости? Ворота? Или, может быть, ступени спускались в землю?

– Не-а. Ничего такого. Просто сарай. А мы и сараю были рады, потому что были маленькие и очень устали, пока туда шли. Это было, заметь, не на закате, а днем. Если там и есть вход во дворец, то он скрыт. Может быть, двери отворяются, только когда Солнце уже совсем близко? Я видела в одном фильме что-то вроде этого: там у всех плохих главное убежище внутри вулкана, и то, что там наверху можно принять за озеро лавы, на самом деле крыша, она отодвинулась для них, когда они спустились на вертолетах. Может быть, дворец Солнца так же устроен. Но мы-то с Риком его не искали. Мы просто так туда отправились, а там нам жарко стало, и мы захотели в тень. Поэтому посидели немного в сарае мистера Макбейна, а потом пошли обратно. – Она мягко дотронулась до моей руки. – Мы правда ничего такого не увидели, жаль, но что поделаешь.

Солнце между тем стало коротенькой линией, сияющей сквозь траву.

– Уходит, – сказала Джози. – Будем надеяться, хорошо выспится.

– Мне хотелось бы узнать, кто был этот мальчик. Этот Рик.

– Рик? Мой лучший друг, только и всего.

– А... Понимаю.

– Слушай, Клара, я что-то не так сказала?

– Нет. Но... теперь моя обязанность быть лучшей подругой Джози.

– Ты моя ИП. Это другое. А Рик – ну, мы собираемся быть вместе всю жизнь.

От Солнца теперь осталась только розовая метка в траве.

– Рик ради меня что угодно готов сделать, – сказала она. – Но он слишком много беспокоится. Вечно беспокоится из-за всякого, что может нам помешать.

– Из-за чего он беспокоится?

– Ну, как тебе объяснить. Разные там любовно-романтические вещи. И, догадываюсь, есть еще кое-что.

– Еще кое-что?

– Но он зря беспокоится. Потому что у нас с ним все давным-давно решено. И переменить не может.

– А где сейчас этот Рик? Он живет поблизости?

– Совсем рядом. Я вас познакомлю. Мне не терпится, чтобы вы встретились!

* * *

Я познакомилась с Риком на следующей неделе – в тот день я впервые увидела дом Джози снаружи.

Мы с Джози много раз дружески спорили о том, как взаимно расположены разные части дома. Она не соглашалась, например, что чулан для пылесоса находится прямо под большой ванной. Потом однажды утром, после очередного такого дружеского спора, Джози сказала:

– Клара, ты меня сводишь этим с ума. Как только закончу с профессором Хельмом, выведу тебя наружу. Посмотрим на все оттуда.

Этот план меня взволновал. Но вначале у Джози был урок, и я увидела, как она раскладывает на Острове свои бумаги и включает досщечку.

Чтобы дать ей уединение, я села не на соседнюю табуретку, а через одну. Вскоре стало понятно, что занятие идет негладко: голос преподавателя, вылетающий из-под наушников Джози, часто звучал укоризненно, она царапала что-то бессмысленно на своих рабочих листах, иногда отодвигала их подальше, так что они едва не падали в раковину. В какой-то момент я заметила, что она полностью отвлеклась из-за чего-то за большими окнами и совсем не слушает

своего профессора. Чуть позже она сердито проговорила в экран:

– Да сделала же я это. Правда сделала. Почему вы мне не верите? Да, в точности так, как вы сказали!

Урок продлился дольше обычного, но в конце концов Джози сказала:

– Хорошо, профессор Хельм. Спасибо. Да. Конечно, сделаю. До свидания. Благодарю вас за сегодняшнее занятие.

Она со вздохом выключила дощечку и сняла наушники. Затем, увидев меня, мгновенно просветлела.

– Нет, Клара, я не забыла. Мы идем наружу, так? Дай только приду в нормальное состояние. Этот профессор Хельм, чтоб его, как я рада, что уже не надо на него пялиться! Живет где-то в жарком месте, это легко понять. Видно, как он потеет. – Она сошла с высокой табуретки и потянулась. – Мама сказала, если мы выходим наружу, надо всегда сообщать Мелании. Сходи скажи ей, пожалуйста, пока я одеваюсь.

Мне было видно, что Джози тоже взволнована, но ее волнение, я догадывалась, относилось к тому, что она увидела в большие окна во время урока. Как бы то ни было, я отправилась в Открытую Планировку искать Помощницу Меланию.

Открытая Планировка – это была самая большая комната в доме. В ней стояли два дивана и несколько мягких прямоугольных сидений; еще были подушки, лампы, растения и угловой письменный стол. Когда я открыла в тот день скользкую дверь, обстановка за ней была сцеплением решеток, фигура Помощницы Мелании в этом сложном рисунке едва различалась. Но все-таки я разглядела ее – она сидела с прямой спиной на краю мягкого прямоугольника и усердно что-то делала на своей дощечке. Она посмотрела на меня недружелюбно, но, когда я сказала ей, что Джози хочет выйти наружу, она оттолкнула дощечку в сторону и прошагала из комнаты мимо меня.

Джози я нашла в прихожей, она надевала свою любимую коричневую стеганую куртку, в которой иногда ходила и дома, когда ей нездоровилось.

– Ну что, Клара. Даже не верится, что ты столько у нас прожила и ни разу не выходила.

– Да, я никогда не была снаружи.

Джози посмотрела на меня секунду-другую, потом спросила:

– Ты хочешь сказать, что никогда вообще снаружи не была? Не только здесь, но совсем нигде?

– Да, это так. Я была в магазине. Теперь я здесь.

– Ого. Значит, для тебя это будет событие! Бояться там нечего, поняла меня? Никаких диких животных, ничего такого. Ну, пошли.

Когда Помощница Мелания открыла входную дверь, я почувствовала, как в прихожую вливается новый воздух – и Солнечное питание. Джози улыбнулась мне, ее лицо наполнила доброта, но затем между нами втиснулась Помощница Мелания, и я не успела ничего сообразить, как она взяла руку Джози и засунула ее под свою руку. Джози тоже была удивлена, но не воспротивилась, и я согласилась мысленно: снаружи для меня все ново, и Помощница Мелания не зря сомневается, что я смогу там надежно оберегать Джози. Так что они вдвоем пошли впереди, а я следом.

Мы вступили на рассыпанные камешки – я предположила, что их нарочно разбросали для шершавости, ради машины. Ветер был мягкий и приятный, и я удивилась, что высокие деревья на холме даже сейчас гнут ветки и машут ими под его натиском. Но вскоре мне пришлось сосредоточиться на ходьбе, потому что среди рассыпанных камешков было много углублений, видимо, от колес машины.

Вид передо мной был мне знаком: он открывался из переднего окна спальни. Следуя за Джози и Помощницей Меланией, я вышла на дорогу, она была гладкая и твердая, как самый настоящий пол, мы двигались по ней некоторое время до и после того, как по обе стороны возникла стриженная трава. Мне хотелось оглянуться на дом – увидеть его так, как увидел бы прохожий, и подтвердить свои оценки, – но Джози и Помощница Мелания все шли и шли, их руки были по-прежнему сцеплены, и я не решалась приостановиться.

С какого-то момента мне уже не нужно было такое внимание обращать на ходьбу, я подняла глаза и увидела слева травянистый склон, а на нем, у самого верха, движущуюся фигуру подростка. По моей оценке, ему было пятнадцать, но я не могла быть уверена, потому что видела только силуэт на фоне бледного неба. Джози направилась к склону, и Помощница Мелания что-то сказала – в помещении я, наверное, расслышала бы, но снаружи звук ведет себя иначе. Как бы то ни было, я поняла, что возникло несогласие. Я услышала, как Джози сказала:

– Но я хочу познакомить с ним Клару.

Были еще какие-то слова, которых я не разобрала, а затем Помощница Мелания сказала: «Ладно, недолго только» – и отпустила руку Джози.

– Пойдем, Клара, – сказала Джози, обернувшись ко мне. – Поднимемся к Рику.

Когда мы поднимались по зеленому склону, у Джози сбилось дыхание, и она плотно прижалась ко мне. Поэтому назад я смогла бросить только короткий взгляд, но успела заметить, что позади нас не только дом Джози, но и еще один дом, стоящий чуть подальше в полях, – соседний дом, которого нельзя было увидеть от Джози ни из какого окна. Мне не терпелось изучить внешний вид обоих домов, но надо было сосредоточиться на том, чтобы с Джози не случилось ничего неприятного. На вершине холма она остановилась отдышаться, но подросток не поздоровался с нами и даже не посмотрел в нашу сторону. Он держал в руках какое-то круглое устройство и смотрел на небо между двумя домами, где несколько птиц летели стайей, и я быстро сообразила, что это механические птицы. Он не сводил с них глаз, и, когда он дотронулся до своего пульта, птицы перестроились в небе.

– Ух ты, красота какая, – сказала Джози, все еще тяжело дыша. – Новые?

Рик не отвел от птиц взгляда, но ответил:

– Последняя пара – новые. Они отличаются, это заметно.

Птицы по дуге устремились к нам, и теперь они парили прямо над нашими головами.

- Да, но ведь настоящие птицы тоже не все одинаковые, – сказала Джози.

- Это верно. По крайней мере я теперь добился, чтобы команду воспринимала вся группа. Вот, Джози, смотри.

Механические птицы начали спускаться и одна за другой садились на траву перед нами. Но две остались в воздухе, и Рик, нахмурившись, еще раз нажал на пульт.

- Черт. Все-таки непорядок.

- Ну что ты, Рикки, они так здорово летают.

Джози стояла на удивление близко к Рику, она не касалась его, но ее поднятые ладони лишь чуть-чуть отстояли от его спины и левого плеча.

- Этой паре нужна полная перенастройка.

- Не волнуйся, ты все сможешь наладить. Слушай, Рикки, ты не забыл про вторник?

- Не забыл. Но, Джози, я же не сказал, что приду.

- Да ладно! Ты согласился!

- Черта с два я согласился. Так или иначе, не думаю, что твои гости будут очень мне рады.

- Я хозяйка и приглашаю кого хочу. Мама будет страшно довольна. Ну что ты, Рик, мы же все это обсудили вдоль и поперек. У нас есть наш план, и если мы серьезно настроены, то обязаны проходить через такое вместе. Тебе надо так же хорошо это уметь, как я. И с какой стати я должна встречать всю эту толпу одна?

- Ты не одна будешь. У тебя теперь есть ИП.

Последние две птицы опустились на траву. Он коснулся пульта, и все они перешли в спящий режим у его ног.

- Господи, а я вас даже еще не познакомила! Рик, это Клара.

Рик не сводил глаз с пульта и не смотрел в мою сторону.

- Ты говорила, что никогда не заведешь себе ИП, - сказал он.

- Это давным-давно было.

- Говорила - никогда не заведешь.

- А теперь передумала, ну и что? Кроме того, Клара - не простая ИП. Клара, скажи что-нибудь Рикю.

- Говорила - никогда.

- Да хватит тебе, Рик! Мало ли что мы говорим, когда мы маленькие. Почему мне нельзя иметь ИП?

Обе ее ладони уже лежали на левом плече Рика, она оперлась на него, как будто хотела уменьшить его рост, сделаться с ним вровень. А Рик, похоже, не имел ничего против ее прикосновения - оно было для него, видимо, чем-то нормальным, - и мне подумалось, что, может быть, на свой лад этот мальчик так же важен для Джози, как Мама; и что его цели, возможно, в чем-то близки к моим и я должна внимательно к нему присмотреться, чтобы понять его место в жизненном рисунке Джози.

- Я очень рада знакомству с Риком, - сказала я. - Мне хочется узнать, живет ли он в том соседнем доме. Странно, но я не замечала этот дом раньше.

- Угу, - сказал он, по-прежнему не глядя на меня прямо. - Да, я там живу. Мы с мамой.

Мы все теперь повернулись к домам, и в первый раз я смогла по-настоящему рассмотреть дом Джози снаружи. Он оказался чуть меньше, чем я думала, углы

крыши немного острее, но в остальном все более или менее отвечало моим оценкам изнутри. Стены были составлены из аккуратно перекрывающихся досок, все они были выкрашены в почти белый цвет. Дом представлял собой три отдельные коробки, которые создавали единую сложную пространственную фигуру. Дом Рика был меньше, и не только потому, что отстоял дальше. Он тоже был из деревянных досок, но проще по структуре: одна коробка, в высоту больше, чем в ширину, посреди травы.

– Рик и Джози, наверное, росли бок о бок, – сказала я Рику. – Так же как стоят ваши дома.

Он пожал плечами.

– Угу. Бок о бок.

– Мне думается, у Рика британский выговор.

– Да, наверное, есть немного.

– Я рада, что у Джози такой хороший друг. Надеюсь, что мое присутствие никогда не будет мешать этой прекрасной дружбе.

– И я надеюсь. Но дружбе разное может помешать.

– Так, ну все, хватит! – донесся от подножия холма крик Помощницы Мелании.

– Иду! – крикнула Джози в ответ. Потом сказала Рику:

– Слушай, Рикки, я от этой встречи не больше удовольствия получу, чем ты. Мне надо, чтобы ты был. Приходи обязательно.

Рик был опять сосредоточен на своем пульте; птицы дружно поднялись в воздух. Джози смотрела на них, не снимая ладоней с его плеча, так что она и Рик образовывали единую фигуру на фоне неба.

– Так, а ну пошла мне назад! – скомандовала Помощница Мелания. – Ветер какой! Помереть думала, да?

– Иду, иду! – А Рикку Джози тихо сказала: – Во вторник к ланчу, хорошо?

– Хорошо.

– Умница, Рикки. Значит, обещал. А Клара свидетельница.

Убрав ладони с его плеча, она отошла. Затем, держась за мою руку, повела меня вниз.

Мы спускались не по тому склону, по какому поднимались, и этот спуск, я увидела, должен был привести нас прямо ко входу в дом Джози. Тут было круче, и внизу Помощница Мелания начала было протестовать, но потом сдалась и заторопилась вокруг холма, чтобы встретить нас. Когда мы шли вниз по стриженной траве, я обернулась и увидела фигуру Рика, опять силуэт на фоне неба. Он смотрел не на нас, а вверх – туда, где в сером воздухе парили его птицы.

Когда мы вернулись в дом и Джози повесила свою стеганую куртку, Помощница Мелания сделала ей йогуртовое питье, и мы вдвоем, пока Джози пила его через соломинку, сидели у Островка.

– Не верится, что ты первый раз была снаружи, – сказала она. – Ну и как тебе?

– Мне очень понравилось. Ветер, другая акустика, все было так интересно. – Потом я добавила: – И само собой, чудесно было познакомиться с Риком.

Джози щипала свою соломинку чуть выше того места, где она выходила из питья.

– Вряд ли он такое уж сильное впечатление произвел. Он иногда стесняется. Но он замечательный. Когда я болею и стараюсь думать о хорошем, я думаю про все, что мы собираемся делать вместе. Он точно придет на эту встречу.

* * *

В тот вечер, как они часто делали во время ужина, они погасили все лампы, кроме тех, что светили на сам Островок. Я тоже была на кухне, как обычно, потому что Джози так нравилось, но, давая уединение, стояла в полутьме лицом к холодильнику. Несколько минут я слушала, как Джози с Мамой ведут легкую беседу во время еды. Затем, все тем же легким тоном, Джози спросила:

– Мама, раз у меня такие хорошие оценки, мне правда она нужна – эта встреча у нас дома, эта социализация?

– Конечно, дружочек. Умной быть недостаточно. Надо уметь общаться, ладить с другими.

– Мама, я умею ладить. Но только не с этими.

– Это твоя группа по возрасту и уровню. А в колледже тебе с кем только не придется иметь дело. У меня, когда я поступала в колледж, позади были годы и годы, когда я общалась со сверстниками каждый день. Но для тебя, для твоего поколения все будет очень непросто, если не приложить усилий сейчас. Плохо получается в колледже обычно у тех, у кого было мало встреч.

– До колледжа еще далеко, мама.

– Не так далеко, как тебе кажется. – Потом, более мягко, Мама сказала: – Не упрямясь, дружочек. Ты можешь познакомить Клару со своими друзьями. Им будет с ней очень приятно и весело.

– Не друзья они мне, мама. И раз я хозяйка, я хочу, чтобы пришел Рик.

Несколько секунд позади меня было тихо. Потом Мама сказала:

– Хорошо. Мы, конечно, можем его позвать.

– Но ты думаешь, что это плохая идея, так ведь?

– Нет. Вообще нет. Рик очень хороший. И он наш сосед.

– Значит, он приходит, так?

- Только если хочет прийти. Это должно быть его решение.

- Ты думаешь, другие будут обращаться с ним грубо?

После еще одной паузы Мама сказала:

- Не вижу для этого никаких оснований. Если кто-то поведет себя неподобающе, то покажет этим только свою недоразвитость.

- Значит, нет причины, чтобы Рик не приходил.

- Причина, Джози, может быть только одна: если он сам не хочет.

Потом в спальне, когда мы были только вдвоем и Джози уже лежала в постели, она тихо сказала:

- Надеюсь, Рик придет на эту жуткую встречу.

Несмотря на позднее время, я была рада, что она заговорила про социализацию, потому что многое в ней было мне неясно.

- Да, и я тоже надеюсь, - сказала я. - Молодые люди придут со своими ИД и ИП?

- Не-а. Не принято. Но ИД или ИП из дома, где все происходит, обычно присутствует. Особенно если недавно купили, как тебя. Они все пожелают тебя изучить.

- Значит, Джози хочет, чтобы я присутствовала.

- Конечно, хочу. Но большого удовольствия не жди. Эти собрания - дрянь, точно тебе говорю.

* * *

Утром в день социализации Джози была полна беспокойства. После завтрака вернулась в спальню, стала примерять разную одежду, и, даже когда мы услышали первых гостей и Помощница Мелания позвала ее в третий раз, она все еще причесывалась. Наконец под звук многих голосов, доносившихся снизу, я сказала ей:

- Мне кажется, нам с Джози пора спуститься к ее гостям.

Только теперь она уронила щетку для волос на туалетный столик и поднялась.

- Ты права. Куда деваться, пошли.

Спускаясь по лестнице, я увидела, что прихожая полна незнакомых людей, они разговаривали шутливыми голосами. Это были сопровождающие взрослые – все женщины. Более молодые голоса долетали из Открытой Планировки, но скользящая дверь была задвинута, поэтому гости Джози пока еще не были нам видны.

Джози остановилась передо мной на лестнице за четыре ступеньки до пола. Может быть, даже повернула бы назад, если бы одна из взрослых не обратилась к ней:

- Привет, Джози! Как дела?

Джози подняла руку, и тут Мама, двигаясь через скопление взрослых в прихожей, сделала жест в сторону Открытой Планировки.

- Туда, туда иди! – громко сказала она. – Твои друзья тебя ждут.

Мне подумалось, что Мама еще что-нибудь скажет в подкрепление этому, но ее окружили другие взрослые с разговорами и улыбками, и ей пришлось отвернуться от нас. Джози – теперь, похоже, осмелев – спустилась по оставшимся ступенькам в толпу. Я шла следом, ожидая, что она направится к Открытой Планировке, но вместо этого она стала протискиваться мимо взрослых ко входной двери, которая была открыта и впускала свежий воздух. Джози двигалась так, словно у нее была ясная цель, и постороннему могло бы показаться, что у нее какое-то важное поручение от гостей. Как бы то ни было,

никто ее не задерживал, а я, следуя за ней, слышала вокруг много голосов. Кто-то говорил: «Да, профессор Кван прекрасно учит наших детей математической физике. Но это не дает ему права быть с нами невежливым». Другой голос произнес: «Европа. Лучшие домработницы по-прежнему из Европы». Кое-кто приветственно обращался к Джози, когда она шла мимо, и вот мы стоим у входной двери, осязая наружный воздух.

Джози выглянула, поставив одну ногу на порог, и крикнула наружу:

– Иди сюда! Что ты там делаешь?

Потом схватилась за косяк двери и высунулась под углом.

– Да скорее же! Все уже здесь!

Рик появился в дверном проеме, и Джози, взяв его за локоть, потянула его в прихожую.

Одет он был, как тогда на травянистом холме, в обычные джинсы и свитер, но взрослые, судя по всему, мгновенно обратили на него внимание. Их голоса не умолкли, но сделались тише. Потом сквозь толпу подошла Мама.

– Здравствуй, Рик! Добро пожаловать! Входи, входи. – Она завела ладонь ему за спину, побуждая идти вперед, ко взрослым гостям. – Внимание, это Рик. Наш добрый друг и сосед. Некоторые из вас уже с ним знакомы.

– Здравствуй, Рик, как дела? – сказала женщина поблизости. – Молодец, что выбрался.

Взрослые начали наперебой здороваться с Риком, говорили ему добрые слова, но в их голосах мне слышалась странная осторожность. Мама, говоря громче всех, спросила:

– Рик, послушай. Как твоя мама? Она давно к нам не заходила.

– Все хорошо, спасибо, миссис Артур.

Когда Рик ей отвечал, все утихло. Высокая женщина позади меня спросила:

– Я правильно поняла, что ты живешь поблизости, Рик?

Рик переводил взгляд с лица на лицо, чтобы понять, кто задал вопрос.

– Да, мэм. По правде говоря, наш дом единственный, какой можно увидеть, если выйти наружу. – Он издал маленький смешок и добавил: – Помимо этого дома, конечно.

Все громко засмеялись, услышав это добавление, а Джози, стоявшая с ним рядом, нервно улыбнулась, как будто сделала это замечание сама. Другой голос произнес:

– Тут столько чистого воздуха. Отличное место, чтобы расти и взрослеть.

– Тут очень хорошо, благодарю вас, – сказал Рик. – Если только не нужна быстрая доставка пиццы.

Все рассмеялись еще громче, на этот раз включая Джози, которая сияла от радости.

– Ну так вперед, Джози, – сказала Мама. – Веди Рика к гостям. Ты сегодня хозяйка для всей компании. Иди же, иди.

Взрослые посторонились, и Джози, по-прежнему держа Рика за локоть, повела его к Открытой Планировке. Ни она, ни он не смотрели на меня, и я сомневалась, идти мне следом или нет. Они отдалились, взрослые опять заполнили прихожую, а я все еще стояла у входной двери. Прозвучал новый голос поблизости:

– Приятный мальчик. Сказал, живет по соседству? Я не расслышала.

– Да, Рик наш сосед, – сказала Мама. – Они с Джози дружат с незапамятных времен.

– Чудесно.

Потом крупная женщина, похожая по очертаниям на кухонный блендер, сказала:

– И такой умница, судя по всему. Страшно жаль, что такому мальчику ничего не светит.

– Я бы и не подумала даже, – произнес еще один голос. – Он так хорошо себя подает. Британский выговор у него, да?

– Очень важно, – сказала женщина-блендер, – чтобы это поколение училось находить общий язык с кем угодно. Питер постоянно это повторяет. – Затем, когда еще не утих одобрительный гул других голосов, она спросила Маму: – Его родители что... просто подумали и решили отказаться? Испугались?

Добрая улыбка сошла с лица Мамы, и все, кто слышал, замолчали. И сама женщина-блендер застыла в ужасе. Потом протянула к Маме руку.

– Ох, Крисси. Что я несу? Я не хотела...

– Все хорошо, – сказала Мама. – Не бери в голову.

– Ох, Крисси, прости меня ради бога. Я такая дура иногда. Я только хотела сказать...

– Это наш самый большой страх, – раздался рядом более твердый голос. – Каждой из нас, присутствующих здесь.

– Все хорошо, – сказала Мама. – Давайте это оставим.

– Крисси, – промолвила женщина-блендер. – Я только хотела сказать, что такой приятный мальчик...

– Кому-то из нас повезло, кому-то нет.

Сказавшая это чернокожая женщина шагнула вперед и нежно дотронулась до Маминого плеча.

– Но Джози здорова сейчас, да? – спросил другой голос. – Она выглядит намного лучше.

– У нее бывают хорошие дни, бывают плохие, – сказала Мама.

– Выглядит она гораздо лучше.

Женщина-блендер сказала:

– У нее все будет хорошо, я уверена. Ты так храбро поступила после всего, через что прошла. Джози когда-нибудь скажет тебе огромное спасибо.

– Пам, пошли. – Чернокожая женщина протянула руку и повела было женщину-блендер в сторону. Но Мама, глядя на женщину-блендер, тихо сказала:

– А Сал, по-твоему, сказала бы мне спасибо?

Услышав это, женщина-блендер расплакалась.

– Ну прости же меня, прости ради бога. Я такая дура, стоит мне только открыть рот, как... – Она громко всхлипнула и во весь голос продолжила: – Видите теперь все, видите, что глупее меня никого на свете нет? Просто мальчик такой приятный, и так несправедливо... Крисси, прости меня.

– Очень тебя прошу, не бери в голову. – Мама, делая теперь большее усилие, потянулась к женщине-блендеру и слегка ее обняла. Та мигом обняла ее в ответ и плакала дальше, положив подбородок на Мамино плечо.

Стояла неловкая тишина, потом чернокожая женщина бодро сказала:

– А у них там, кажется, все идет неплохо. Если бы они там все передрались, мы бы слышали.

Раздался дружный смех, а потом Мама промолвила новым голосом:

– Ну что же мы тут стоим? Прошу всех на кухню. Мелания опять испекла свои чудесные национальные пирожные.

Прозвучал чей-то притворный шепот:

– По-моему, мы для того все тут медлим... чтобы подслушивать!

Это вызвало еще один взрыв смеха, и Мама вновь заулыбалась.

– Если мы им понадобится, – сказала она, – то услышим об этом. Пойдемте, милости прошу.

Когда взрослые двинулись на кухню, мне лучше стали слышны голоса из Открытой Планировки, но слов я разобрать не могла. Одна взрослая, проходя мимо меня, сказала:

– Наша Дженни была так расстроена после той последней встречи. Мы целый уик-энд потратили на то, чтобы объяснить ей, как она неверно все интерпретировала.

– Клара. Ты еще здесь.

Передо мной стояла Мама.

– Да.

– А почему не там? Не с Джози?

– Но... она меня туда не повела.

– Иди. Ты ей там нужна. И другие хотят с тобой познакомиться.

– Да, конечно. Тогда, разрешите, я пойду.

Солнце, заметив такое обилие мальчиков и девочек в одной комнате, вливало Свое питание через широкие окна Открытой Планировки. Два дивана, мягкие

прямоугольные сиденья, низкие столики, растения в горшках, фотоальбомы – с этим хитросплетением я в предыдущие дни долго и трудно осваивалась, а теперь все так преобразилось, что комнату было не узнать. Подростки были повсюду, их сумки, курточки, дощечки лежали по всему полу и на других поверхностях. Вдобавок все пространство комнаты вплоть до дальней стены разделилось на двадцать четыре прямоугольные секции, расположенные в два яруса. Из-за этого разбиения получить общую картину того, что передо мной, было нелегко, но постепенно я разобралась. Джози разговаривала с тремя гостями в середине комнаты. Их головы почти соприкасались, и стояли они так, что верхние части лиц, включая глаза, оказались в секции верхнего яруса, а рты и подбородки были втиснуты в нижнюю секцию. Большинство подростков были на ногах, некоторые перемещались между секциями. У дальней стены трое мальчиков расположились на модульном диване, и хотя они сидели врозь, головы находились в одной и той же секции, в то время как вытянутая нога сидевшего ближе к окну пересекала всю соседнюю секцию и заканчивалась в следующей. У трех секций с мальчиками на диване был неприятный цветовой оттенок – нездоровая желтизна, – и мне на короткое время сделалось тревожно. Потом этих мальчиков, двигаясь по комнате, начали заслонять другие гости, и я переключилась на звучащие вокруг голоса.

Хотя какая-то из девочек, когда я вошла, сказала: «Ой, вот новая ИП, до чего же она милая!» – почти все голоса, что я слышала, обсуждали Рика. Джози, похоже, совсем недавно стояла около него, но разговор с гостями вынудил ее повернуться к нему спиной, и он теперь был один и ни с кем не разговаривал.

– Он друг Джози. Живет рядом, – сказала девочка позади меня.

– Надо с ним поласковой, – сказала другая. – Ему, наверное, тут с нами не по себе.

– Зачем Джози его позвала? Ему, конечно, не по себе сейчас.

– Давай что-нибудь ему предложим. Чтобы почувствовал, что ему рады.

Девочка – она была худая и с необычно длинными руками – взяла металлическое блюдо с шоколадками и направилась к Рику. Я тоже вдвинулась подальше в комнату и услышала, как она говорит ему:

– Прости, пожалуйста. Хочешь конфетку?

Рик до этого смотрел на Джози, говорившую с тремя гостями, но теперь повернулся к девочке с длинными руками.

– Бери, – сказала она, поднимая блюдо повыше. – Они хорошие.

– Спасибо большое. – Он поглядел на блюдо и выбрал шоколадку, завернутую в блестящую зеленую бумагу.

Хотя голоса продолжали звучать по всей комнате, я поняла, что вдруг каждый – и Джози тоже, как и ее собеседницы, – стал смотреть на Рика.

– Нам всем очень приятно, что ты пришел, – сказала длиннорукая девочка. – Сосед Джози, да?

– Да, я ее сосед. Первый же дом отсюда.

– Первый же дом? Классно пошутил! Только твой дом и этот, больше никаких домов вокруг неизвестно на сколько миль!

Три девочки, с которыми беседовала Джози, теперь присоединились к длиннорукой, непрерывно улыбаясь Рiku. Джози, однако, оставалась, где была, и ее глаза смотрели беспокойно.

– Это правда, – с быстрым смехом отозвался Рик. – Но дом-то все равно первый, он же и последний.

– Ну еще бы! Тебе наверняка тут нравится жить. Тихо так, мирно.

– Очень мирно. Все замечательно, пока в кино не захочется пойти.

Рик, я знала, надеялся, что все, кто слушает, рассмеются, как взрослые, когда он сказал про доставку пиццы. Но четыре девочки просто продолжали смотреть на него участливыми глазами.

– А ты что же, на своем ди-эс кино не смотришь? – спросила в конце концов одна из них.

– Иногда смотрю. Но мне нравится ходить в настоящее кино. Большой экран, мороженое. Мы это любим с мамой. Беда в том, что так долго ехать.

– У нас кинотеатр в конце квартала, – сказала длиннорукая. – Но мы редко ходим.

– Ух ты! Он кино любит!

– Мисси, ну что ты. Прошу прощения за свою сестрицу. Значит, тебе нравится кино. Расслабляться помогает, да?

– Уверена, что ты любишь боевики, – сказала девочка по имени Мисси.

Рик посмотрел на нее. Потом улыбнулся:

– Иногда они ничего. Но мы с мамой любим старые фильмы. Все так по-другому было тогда. Смотришь эти фильмы и видишь, какие были рестораны. Как люди одевались.

– Но боевики ты любишь, верно? – сказала длиннорукая. – Погони на машинах и тому подобное.

– Слушайте, – сказала еще одна девочка за моей спиной. – Он говорит, он ходит в кино с мамой. До чего же мило.

– Твоей маме не хочется, чтобы ты ходил с друзьями?

– Нет, не совсем так. Просто... нам с мамой нравится ходить вместе.

– А ты видел «Золотой стандарт»?

– Его маме такое не понравилось бы точно!

Джози теперь подошла и встала перед Риком.

– Ну что с тобой, Рик. – В ее голосе была злость. – Расскажи им, что ты любишь смотреть. Вот и все, о чем они просят. Что ты любишь смотреть?

Еще несколько гостей собрались теперь вокруг Рика и частично заслонили его от меня. Но я увидела, как что-то в нем изменилось в этот момент.

– Что я люблю смотреть? – Он обращался не к Джози, а ко всем остальным. – Я люблю фильмы, где происходят разные ужасы. Насекомые вылезают у людей изо рта, всякое такое.

– Seriously?

– Могу я поинтересоваться, – спросил Рик, – из-за чего столько любопытства к тому, что мне нравится смотреть?

– Это называется – разговор, – сказала длиннорукая девочка.

– Почему он не ест свою шоколадку? – спросила Мисси. – Держит и держит.

Рик повернулся к ней и протянул ей неразвернутую шоколадку.

– Вот, возьми. Может быть, тебе самой пригодится.

Мисси засмеялась, но попятилась.

– Послушай, – сказала длиннорукая. – Это у нас, типа, дружеская встреча, понимаешь?

Рик быстро взглянул на Джози, которая смотрела на него все более сердитыми глазами. В следующую секунду он опять повернулся к другим девочкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/kadzuo-isiguro/klara-i-solnce>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)